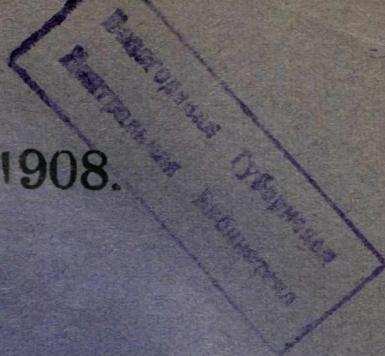

Годъ 2.

1908.

ОТКЛИКИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— И —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 2

Февраль

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГДА

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр
I. Правительственныя распоряженія	3
II. „Верстовой столбъ“. Набросокъ. <i>А. С.</i> . . .	9
III. Слуги отечества. (Записки изъ недавняго прошлаго—начало смуты). <i>Сельскаго учи-</i> <i>теля.</i>	13
IV. Копье Архангела Итуринла. Стихотв. <i>Я.</i> . .	24
V. Положеніе народнаго учителя, какъ культур- наго работника въ деревнѣ въ наши дни. (Изъ пережитаго). <i>С. Кудрявцева</i>	26
VI. Дневникъ народнаго учителя. (Посвящается товарищамъ). <i>Л. Перекати-Поле</i>	40
VII. Стихотворенія: 1. Призывъ. 2. Могила. <i>Норф.</i> <i>Шмакова</i>	55
VIII. Учительскіе силуэты. 1. Зуботесовъ. <i>Копчика.</i>	56
IX. Антисемиту—автору статьи Воспоминанія. <i>Травниовца Гаврила.</i>	66
X. Библиографическій отдѣлъ. О книгѣ И. Клин- гена. <i>Л. Мищенко</i>	67
XI. Письмо въ редакцію „Русскаго Слова“. <i>М.</i> <i>Филиппова</i>	74
XII. Объявленія	76

Възвѣщеніе: Экземпляры журнала «Отклики народнаго учителя и его досуги» за 1907 годъ высылаются за 3 р. 50 коп., а подписчикамъ 1908 года за 3 р.

Годъ 2.

1908.

ОТКЛЮЧКИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— ≡ ≡ ≡ И ≡ ≡ ≡ —
ЕГО ДОСУГИ.

№ 2

Февраль

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЬЕВА, г. ВОЛОГДА

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшее повелѣніе.

О распространеніи предоставленныхъ законовъ 22 апрѣля 1906 г. льготъ по отбыванію воинской повинности на лицъ, окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, указанныхъ въ семъ законъ до его воспослѣдованія.

Совѣтъ министровъ, руководствуясь статьею 11 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, изд. 1906 г., полагалъ:

Признать, что лица, скончившія курсъ упомянутыхъ въ Высочайше утвержденномъ 21-го апрѣля 1906 года, мнѣніи Государственнаго совѣта („Собр. узак.“ 1906 года ст. 1003) ремесленныхъ учебныхъ заведеній до воспослѣдованія этого закона, пользуются установленною симъ закономъ по отбыванію означенной повинности льготою, при условіи, если лица эти окончили курсъ при тѣхъ учебныхъ программахъ, на основаніи которыхъ вышеозначенныя учебныя заведенія причислены къ учебнымъ заведеніямъ 2-го разряда по отбыванію воинской повинности.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 6-го октября 1907 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

П Р А В И Л А

бесплатнаго отнуска мѣстными учрежденіями главнаго управленія землеустройства и земледѣлія народнымъ и церковнымъ школамъ посадочнаго матеріала, сѣмянъ, инструментовъ и проч., для введенія различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

§ 1. Въ видахъ ознакомленія учениковъ народныхъ и церковныхъ школъ и мѣстнаго населенія съ садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ и другими отраслями хозяйства, главное управленіе землеустройства и земледѣлія,

по департаменту земледѣлія, оказываетъ содѣйствіе къ устройству при школахъ, располагающихъ землей, садовъ, огородовъ, питомниковъ, опытныхъ участковъ, пасѣкъ и т. п. путемъ бесплатнаго отпуска, черезъ посредство мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ органовъ и учрежденій главнаго управленія, растеній, сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ, садовыхъ орудій и инструментовъ, ульевъ, пчеловодныхъ принадлежностей, гренъ, спеціальныхъ руководствъ и брошюръ.

§ 2. Съ ходатайствами о бесплатномъ отпускѣ поименованныхъ въ § 1 предметовъ учителя народныхъ школъ и завѣдывающіе церковными школами обращаются, по возможности заблаговременно (къ веснѣ не позже 1 февраля, къ осени до 1 июня), къ мѣстнымъ инспекторамъ по сельскохозяйственной части и правительственнымъ агрономамъ, гдѣ же таковыя должности не учреждены—въ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, соответствующаго района.

§ 3. При удовлетвореніи отдѣльныхъ ходатайствъ вышепоименованными лицами и учрежденіями (§ 2), въ предѣлахъ отпускаемыхъ на это департаментомъ земледѣлія средствъ, рѣшающее значеніе имѣетъ, независимо отъ очереди поступленія ходатайствъ, целесообразность вѣдущихся или намѣчаемыхъ при школахъ сельскохозяйственныхъ отраслей, въ отношеніи ихъ пользы для мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, а потому въ ходатайствахъ, кромѣ точнаго указанія наименованія и количества просимыхъ матеріаловъ и предметовъ, должны быть сообщаемы свѣдѣнія о размѣрахъ и естественныхъ условіяхъ школьнаго участка, о вѣдущихся или намѣченныхъ къ устройству сельскохозяйственныхъ отрасляхъ и ихъ значеніи для мѣстнаго хозяйства и о личной практической подготовкѣ учителя данной школы.

§ 4. Кромѣ данныхъ поименованныхъ въ § 3, въ каждомъ ходатайствѣ долженъ быть ясно обозначенъ способъ доставки просимыхъ предметовъ, съ указаніемъ ближайшей станціи желѣзной дороги или пароходной пристани и точнаго почтоваго адреса для посылокъ и заказной корреспонденціи.

§ 5. Стоимость отпущенныхъ въ теченіи года растеній и сѣмянъ, не считая накладныхъ расходовъ по упаковкѣ и посылкѣ ихъ, не должна превышать 15 рублей, въ среднемъ,

на одну школу даннаго района, равнымъ образомъ такой же суммой (15 руб.) ограничивается стоимость прочихъ отпускаемыхъ учителямъ предметовъ, (удобрений, орудій, инструментовъ, книгъ и проч.) по каждому отдѣльному ходатайству.

§ 6. Повторныя ходатайства школъ о посадочномъ матеріалѣ могутъ быть удовлетворены въ общемъ порядкѣ находящихся правилъ, въ зависимости отъ степени важности ходатайствъ, успѣшности ведущагося школьнаго хозяйства и др. уважительныхъ причинъ.

§ 7. Учители народныхъ школъ и завѣдывающіе церковными школами, по полученіи бесплатнаго посадочнаго и посѣвнаго матеріаловъ и прочихъ предметовъ, отпущенныхъ для той или другой отрасли хозяйства школы мѣстными учрежденіями главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, увѣдомляютъ объ этомъ названнаго учрежденія и полученные предметы (кромя матеріаловъ) заносятъ въ инвентарную книгу школьнаго хозяйства.

§ 8. Школы получившіе растения и сѣмена должны сообщать лицамъ и учреждениямъ (§ 2), чрезъ коихъ получены эти предметы, въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, на особыхъ, рассылаемыхъ завѣдывающимъ школами вопросныхъ листкахъ, свѣдѣнія о результатахъ культуры полученныхъ бесплатно растений и сѣмянъ.

§ 9. На лица и учреждения, распоряженіемъ коихъ производится отпускъ школамъ поименованнымъ въ § 1 предметовъ, возлагается, по мѣрѣ возможности, осмотръ на мѣстѣ школьныхъ хозяйствъ, пользовавшихся означенной поддержкой.

Примѣчаніе. Мѣстное учебное начальство поставляется въ извѣстность о тѣхъ лицахъ, которымъ будетъ порученъ осмотръ школьныхъ хозяйствъ, въ цѣляхъ оказанія нужнаго техническаго руководства для веденія этого дѣла.

§ 10. За образцовое веденіе имѣющихъ показательное значеніе школьныхъ садовъ, огородовъ и проч. и успѣшное распространеніе садоводства, огородничества и другихъ отраслей сельскаго хозяйства среди мѣстнаго населенія учителя народныхъ школъ и завѣдывающіе церковными школами могутъ быть награждаемы денежными и почетными наградами.

Распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(29 сентября 1907 г., № 21641). **Объ отлѣнїѣ § 122 инструкціи для городскихъ училищъ.**

Распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 2-го мая 1907 г., за № 9358, признаны подлежащими отлѣнїѣ утвержденныя 10-го ноября 1885 года правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ, соотвѣтственно образованію, воспользоваться льготой при отбываніи воинской повинности.

Нынѣ, въ дополненіе къ означенному распоряженію, министерство признало нужнымъ отлѣнїить и параграфъ 122 инструкціи для городскихъ училищъ (по положенію 31 мая 1872 г.), по силѣ коего ученики 3, 4, 5 и 6 отдѣленій этихъ училищъ, достигшіе 11-лѣтняго возраста и оставляющіе училище ранѣ окончанія курса, получаютъ свидѣтельства на льготу 4 (нынѣ, 3) разряда по воинской повинности.

(15 сент. 1907 г., № 15537). **Нормы оборудованія и содержанія классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій**

Отдѣломъ промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія выработаны нормы оборудованія и содержанія классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій, открываемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ на основаніи законовъ 1903 и 1904 г.г.

Нормы эти исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ, считая помѣщеніе и оборудованіе для единовременной работы группы учащихся изъ 20 человекъ и стоимость постройки, при общемъ нормальномъ размѣрѣ помѣщенія въ 50 куб. саж., для городскихъ училищъ по 50 р. и для начальныхъ училищъ по 40 р. за куб. саж.

А) По классамъ ручного труда:

1) При городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищахъ и при уездныхъ.

единовременно: 1) на устройство помѣщенія . . . 2500 р.

2) на оборудование мастерскихъ:

а) по обработкѣ дерева (20×20)—	400 р.
б) по обработкѣ металловъ (30×20)—	600 "
ежегодно: 3) на содержаніе: а) при одной спеціальности (по обработкѣ дерева) преподавателю (30×12) —	360 "
на матеріалы, инструменты и проч. расходы	240 "

Итого 600 р.

б) при 2-хъ спеціальностяхъ (по обработкѣ дерева и металла) преподавателю (30×12)—

360 р.	
на матеріалы, инструменты и проч. расходы	340 "

Итого 700 р.

II) При начальныхъ училищахъ:

единовременно: 1) на устройство помещенія 2000 р.

2) на оборудование мастерскихъ:

а) по обработкѣ дерева (16×20)—	320 "
б) по обработкѣ металловъ (20×20)—	344 "
ежегодно: 3) на содержаніе: преподавателю (20×12)—	240 "
на матеріалы, инструменты и проч.	160 "

Итого 400 р.

4) на устройство классовъ по кордоплетенію при начальныхъ училищахъ: преподавателю 240 р.

на матеріалы, и инструменты и проч. 160 р.

Итого 300 р.

5) на классъ переплетныхъ и папочныхъ работъ: преподавателю 120 р.

на матеріалы, инструменты и проч. 30 "

Итого 150 р.

Б) По ремесленнымъ отдѣленіямъ:

единовременно: 1) на устройство помещенія 2500 р.

2) на оборудованіе:

- а) столярной мастерской (50×20)— . . . 1000 р.
 б) слесарно-кузнечной (70×20)— . . . 1400 р.
 ежегодно: 3) на содержаніе:

	Съ 1-мъ отдѣленіемъ.	Съ 2-мя отдѣленіями.
За завѣдываніе рем. отдѣленіемъ	150 р.	150 руб.
2) Мастеру за обученіе ремеслу и за черченіе, ри- сованіе и технику ремесла и квартира.	600 р.	600 руб. и квартира.
3) подмастерья	240 р.	480 руб.
4) на матеріалъ и ин- струменты	200 р.	300 руб.
5) на учебныя пособія	60 р.	70 руб.
6) на хозяйственныя расходы	250 р.	300 руб.
Итого	1500 р.	1900 руб.

(27 февраля 1907 г., за № 2970). **О правахъ на чиновпроизводство лицъ, имѣющихъ званіе учителя приходскаго городского училища.**

Департаментъ общихъ дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, увѣдомилъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, что свидѣтельство на званіе учителя приходскаго городского училища не равносильно свидѣтельству объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, и что лица, имѣющія званіе учителя приходскаго городского училища, не пользуются правомъ на чиновпроизводство безъ особаго испытанія въ полномъ объемѣ курса уѣзднаго училища.

„ВЕРСТОВОЙ СТОЛБЪ“

(Набросокъ).

Мирно дремалъ захолустный городишко В. Ничто не нарушало вѣкового покоя. Жили люди, пили, ѣли, спали и блаженствовали... Вдругъ сильнымъ порывомъ могучаго вѣтра нанесло на него новыхъ птицъ и зазвенѣли въ воздухѣ новыя пѣсни... Обыватель вздрогнулъ, открылъ глаза и растерялся... Все сдѣлалось какъ-то вдругъ, неожиданно, нежданно...

Почесалъ обыватель тамъ, почесалъ здѣсь и отправился слушать новыхъ птицъ...

— А... Иванъ Петровичъ! и вы въ народный?

— А вы тоже? вмѣсто отвѣта говоритъ Иванъ Петровичъ. Надо, батенька, надо... Времена не тѣ... Э-э-эхъ! Что-то изъ всего выйдетъ?...

— Слышь, много, говорятъ, хорошаго... Наврядъ! Не вѣрится что-то!...

— Ну, зачѣмъ же сомнѣваться? урезонивали скептика... Можетъ и въ самомъ дѣлѣ правду молодежь поетъ...

— Поживемъ—увидимъ... качалъ головой черствый скептикъ.

Увидѣть, однако, ничего не пришлось... Ходилъ обыватель терпѣливо въ народный. Слушалъ, какъ тамъ господа говорятъ и ровнехонько ничего не понималъ...

— Дѣла-а!... Задумчиво вырвалось съ тяжелымъ вздохомъ изъ груди...

Вздохъ оставался вздохомъ, а пониманія новой жизни не прибывало....

Кѣмъ-то были занесены слова „крамольникъ“ и „смутьянъ“. Закипѣло удалю обывательское сердце противъ новаго типа... Заходила силушка по жилушкамъ и... вылилась въ погромъ...

— Против начальства мы не идемъ, но какъ ежели кто смутянить, тѣхъ и бить слѣдуетъ... Вотъ на собраніе родителей—стоитъ сходить, потому и мои ребята учатся... Учителямъ, братъ, смутянить нельзя, потому... Начальство! Это, братъ: хоть и новая штука, а стоящая!...

Было одно изъ родительскихъ собраній.

Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ педагоговъ выступилъ съ порицательною рѣчью, молодежи. Много, долго онъ, красиво говорилъ Лебезиловъ (фамилія педагога). Онъ защищалъ режимъ освященный вѣками, методы преподаванія и т. п. Онъ былъ всецѣло за тѣ лохмотья, въ которыхъ задохалась молодежь, и выступилъ ярмъ врагомъ новыхъ вѣяній, проща гибель молодежи.

„Я не голословно утверждаю, я все основываю на фактахъ, хотя и горькихъ, но фактахъ. Я, какъ отецъ семьи, имѣю право желать дѣтямъ только всего хорошаго, но... Глубокомысленно остановился ораторъ и поднялъ руки вверхъ.. Но я двадцать пять лѣтъ пробылъ преподавателемъ, я знаю жизнь учебныхъ заведеній и вполне припророчился къ ней.. Я нахожу, что существующій строй школы—лучшій строй! Вводить что либо нове—прямо пагуба. Да! И что намъ вводить? Развѣ министерство не лучше насъ знаетъ школьную жизнь? Мы должны, мы обязаны давать выработанныхъ людей, людей желательныхъ для родины.. А тутъ? Развѣ мы, родители, можемъ предъявлять къ школѣ свои требованія.. Не нравится школа, ну и убирай изъ нея ребенка и переводи въ другую. Въ дѣло же учебное вмѣшиваться нельзя. Это профананія святого дѣла, это преступленіе, это язва, это позоръ! Позоръ для дѣтей, для насъ, для школы, позоръ для Россіи!“...

— Вотъ чертъ! Ну и заврался! Договорился!

— Здорово жарить! Вотъ это я понимаю!

Зашептало собраніе. Многие слишкомъ недружелюбно стали поглядывать на разгоряченнаго оратора.

Въ отвѣтъ Лебезилову говорилъ какой-то врачъ.

Тотъ извинился передъ собраніемъ въ своей некомпетентности въ педагогикѣ, поскромничалъ передъ авторитетомъ предыдущаго оратора и продолжалъ:

„Сейчасъ вы, господа, слышали взглядъ на участіе родителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей отъ опытнаго педагога.

Я со своей стороны удивился лишь тому, что этот педагог выдвинулъ, какъ тяжелую артиллерію, свои двадцать пять лѣтъ. Я, говорилъ онъ, двадцать пять лѣтъ состоялъ при школѣ и,—значить,—безапелляціонно имѣю право, рѣшать школьные вопросы...

Такъ-то оно такъ... но всетаки... Всетаки, господа, мнѣ кажется, это-зыбкое основаніе. Я лично, по крайней мѣрѣ, знаю простой верстовой столбъ, который стоитъ на одномъ мѣстѣ тѣже двадцать пять лѣтъ, однако до сихъ поръ показывается семь верстъ до города»...

— Bravo, bravo! Заревѣло собраніе.

Все забурило, зашумѣло, захлопало...

Удачное сравненіе вырвало у этой массы полный взрывъ энтузіазма...

Достаточно было одного удачнаго слова и масса облегченно вздохнула. Точно это-то самое слово и было выразителемъ всего нелѣпаго, неуютнаго, тяжелаго, что нависло послѣ Лебезиловской рѣчи. Врачъ, почувствовавъ свою связь съ собраніемъ, и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... Публика съ восторженнымъ замираніемъ глотала каждое слово. Забыто было все на свѣтѣ. Смыслъ и цѣль жизни были въ словахъ и только въ словахъ врача. А тотъ сверкалъ то смѣлымъ призывомъ, то бодрой вѣрой, то смѣлымъ широкимъ полетомъ, то неожиданно яркимъ сравненіемъ...

— Проклятый мясникъ!—выругался Лебезиловъ и демонстративно покинулъ залъ, гдѣ происходило собраніе... Публика забыла о немъ и даже не замѣтила исчезновенія еще недавно столь ненавистнаго человѣка.

Съ этого дня городская молва долго трунила надъ Лебезиловымъ.

«А за что подумаешь? сердился самъ онъ. Ни черта не понимаютъ въ дѣлѣ и вѣрятъ разнымъ красноречіемъ. Э... что бы ихъ!... Да развѣ же можно?... разводилъ руками Лебезиловъ. Всякій тутъ сапожникъ, какая-нибудь, съ позволенія сказать, дрянь-кухарка и будетъ указывать учителю. И то молъ, касатикъ, не ладно, да и это не такъ... Ну—публика!»

Что съ ней подѣлаешь? Оскорбленный педагогъ долго пожималъ плечами...

Однако все въ мірѣ тлѣнно и имѣетъ свой чередъ... Кончилось и въ В. увлеченіе многоразличными собраніями.

«И нынѣ все дико и пусто кругомъ». Тишь, гладь и раствореніе воздуховъ. Напрасно пишутъ родителямъ пригласительные билеты: собранія за неявкой приходится каждый разъ откладывать...

— Что, Иванъ Петровичъ?

— Слава Богу, Василій Никоноровичъ! Все уладилось, все пошло по старому...

— То-то же и оно-то! Вѣдь я жь Вамъ говорилъ?

— Да вѣдь мы думали...

Однако почтенные обыватели не договаривали, что именно „думали“. Вѣрнѣй, ничего не думали: не стоитъ-де! На то есть умные люди, а мы и такъ проживемъ.

А. С.

СЛУТИ ОТЕЧЕСТВА.*)

(Записки изъ недавняго прошлаго—начало смуты.)

(Продолженіе).

XIX.

На другой день въ одиннадцать часовъ утра¹ учителя собрались въ гостинницѣ „Золотой Якорь“. Фалалей Аскалоновичъ хлопоталъ о чаѣ и закускѣ, а Романъ Кононовичъ, поводя щетивистыми усами, бралъ то одного, то другого изъ присутствующихъ и отводилъ въ сосѣднюю комнату: онъ собиралъ подписи для адреса.

Около часу прибылъ Клавдій Виссаріоновичъ въ сопровожденіи Никандра Андреевича, своего неизмѣннаго друга. Волчихинъ, Тупицынъ, Щетинниковъ и нѣкоторые изъ „пострадавшихъ за убѣжденія“, а также и тѣ, кому предстояло¹¹ пострадать за послѣднія—окружили плотною стѣною своего божка... Волчихинъ подвѣялъ даже локти наравнѣ съ¹ плечами и уперся кулаками въ собственную грудь, чтобы за¹¹нять какъ можно больше мѣста собственной персоной и лишить возможности лицезрѣть божество тѣхъ сотрудниковъ, которые не молились ему, считая его обыкновеннымъ смертнымъ, не поднявшимся надъ уровнемъ толпы ни на одинъ волосъ ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи;¹¹ чтобы невѣрующіе не оскорбили божество и не возмутили его¹¹ спокойствія какимъ-нибудь неподобострастнымъ взглядомъ. Каждый, изъ обожавшихъ Клавдія Виссаріоновича или казавшихся такими, старался только на себя обратить его благосклонное вниманіе, и потому происходилъ какой-то хаосъ—шумъ, толкотня, пока накрывали столъ.

Тупицынъ плохо распорядился на этотъ разъ: столъ былъ накрытъ не достаточно большой. Едва сѣли за¹ него

Шутиловъ и Вольнодумовъ, какъ преданнѣйшіе имъ поспѣшили занять всѣ мѣста за столомъ; другимъ уже, менѣе преданнымъ, не было мѣста, и они по неволѣ остались зрителями, а не участниками трапезы, хотя и поплатились рублями. Не доставало мѣста за столомъ и пишущему эти строки. Но его замѣтилъ въ толпѣ Никандръ Андреевичъ Вольнодумовъ и усадилъ между собою и Клавдіемъ Виссаріоновичемъ.

Наступила самая торжественная минута.

Роману Никоноровичу подали папку: онъ принялъ ее важно, словно священнодѣйствовалъ; развернулъ ее, повелъ щетинистыми усами и началъ читать адресъ. Во время чтенія царила мертвая тишина. Въ стилистическомъ отношеніи этотъ адресъ не имѣлъ ничего общаго съ черныками Тупицына и Щетинникова, читаемыми въ полѣ, наканунѣ: онъ былъ написанъ мастеромъ дѣла. Но что же сказать о его содержаніи? Въ немъ было много лести, и мало правды; но послѣдней, видимо, авторъ и не заботился, лишь бы угодить, кому слѣдовало. Въ адресѣ Клавдій Виссаріоновичъ названъ не начальникомъ, а старшимъ товарищемъ; говорилось, что только онъ поставилъ школы въ районѣ на должную высоту, хотя на самомъ дѣлѣ онъ только распустилъ учителей, а уровень грамотности въ школахъ понизился за трехлѣтнее пребываніе его въ районѣ въ качествѣ инспектора. Иначе трудно было и ожидать, ибо многіе изъ учителей больше занимались подготовкою къ освободительному движенію, нежели обученіемъ безграмотныхъ малышей: первое было интереснѣе и легче, къ тому же и начальство считало такихъ учителей передовыми, поощряло ихъ лестными отзывами и денежными пособіями. Для подносившихъ адресъ какъ будто никогда не существовало Пахаревыхъ, Подпываловыхъ, Настойчиковыхъ и ихъ сверстниковъ, истыхъ работниковъ, прослужившихъ болѣе тридцати лѣтъ, всѣ лучшія силы отдавшихъ дорогому для нихъ дѣлу и дѣйствительно поставившихъ на должную высоту школы района; какъ будто не существовало и многихъ земскихъ дѣятелей, также не мало потрудившихся по народному образованію за тридцатилѣтній періодъ существованія народныхъ училищъ въ мѣстности. Подписавшіе адресъ забыли, кто ихъ взялъ къ себѣ восьмилѣтними неграмотными мальчиками и довелъ до учи-

тельской семинаріи; нѣкоторые изъ нихъ забыли даже то, что сами внесли не одну каплю меду въ общій улей, потому что уже проучительствовали болѣе двадцати лѣтъ, и забыли это не изъ великодушія, а изъ рабскаго желанія польстить и угодить сильному... Никому изъ нихъ и въ голову не приходило, что они подписываютъ свой позоръ, утверждая, что весь медъ, оказавшійся налицо въ общей сокровищницѣ, собранъ однимъ ихъ кумиромъ въ трехлѣтній періодъ; забыли,

„Кто ихъ дружиной совокупной
Послалъ въ народъ исполнить долгъ,
Чтобъ понялъ въ грамотѣ онъ толкъ,
Чтобъ голосъ правды неподкупной
Въ Руси великой не умолкъ“.

Неподкупная правда на этомъ торжествѣ была нежеланной гостьей, ее никто слушать не хотѣлъ; царица въ полной силѣ лукавая лезть и наглая ложь. Можно было ожидать, что Клавдій Виссаріоновичъ деликатно отклонитъ отъ себя приписываемую ему одному честь наполненія медомъ общей сокровищницы, или, по крайнѣй мѣрѣ, подѣлится ею съ кѣмъ-нибудь. Но—увы!—онъ принялъ ее, какъ должную дань: въ отвѣтной рѣчи ни словомъ не обмолвился по адресу истинныхъ виновниковъ скопленнаго богатства, а только благодарилъ не въ мѣру кадившихъ ему льстецовъ за оказанную ему честь, подтвердивъ, что онъ дѣйствительно желалъ сдѣлать и сдѣлалъ все полезное, что могъ.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что я желалъ поправить его ошибку. Это было еще не поздно. Правда, весь адресъ былъ большой ошибкой, но исправить ее было уже невозможно: онъ былъ прочитанъ; отвѣтную же рѣчь еще можно было поправить. И я попытался, говоря: „Отдавая должную честь почтенному Клавдію Виссаріоновичу за доброе отношеніе его къ подчиненнымъ, а также за попеченіе его о матеріальномъ улучшеніи школъ и труды его по учебной части,—вспомнимъ добрымъ словомъ и его предшественниковъ, педагоговъ и земскихъ дѣятелей, много потрудившихся по народному образованію за тридцатилѣтнее существованіе школъ въ нашей мѣстности“. При этомъ я позволилъ себѣ назвать и нѣсколько именъ выдающихся земскихъ дѣятелей, инспекторовъ, и другихъ педагоговъ. Но все общество, кромѣ Нп...

кандрав Андреевича Вольнодумова, не исключая и Клавдія Виссаріоновича, сочло меня чуть ли не за врага послѣдняго за подобную дерзость.

Шутиловъ и Вольнодумовъ ушли, а учителя еще долго не расходились. Фалалей Аскалоновичъ былъ очень доволенъ, что адресъ былъ поднесенъ и понравился виновнику торжества: Тупицынъ первый предложилъ поднести его, онъ же первый наканунѣ въ полѣ читалъ свой чернякъ и былъ инициаторомъ чествованія именно въ такой формѣ. Онъ страдалъ какой-то маніей въ этомъ отношеніи; его такъ и тянуло поднести адресъ какому-нибудь дѣльцу. Прослужилъ человекъ въ уѣздѣ ветеринарнымъ врачомъ два—три года, Фалалей Аскалоновичъ совѣтовалъ сотрудникамъ поднести ему за неутомимую дѣятельность адресъ, чернякъ котораго у него уже написанъ; оставлялъ ли должность членъ земской управы, фельдшеръ, агрономъ, страховой агентъ, аптекарь, хотя бы они прослужили не болѣе года, Тупицынъ непремѣнно желалъ чествовать ихъ поднесеніемъ адреса, чернякъ котораго уже былъ приготовленъ имъ; но какой-то рокъ тяготѣлъ надъ этими черняками: ни одинъ изъ нихъ никогда не былъ одобренъ сотрудниками, и затѣя обыкновенно не удавалась. Наконецъ адресъ, хотя и не его редакціи, былъ поднесенъ, да еще кому—самому кумиру его.

— Каково, Алексѣй Григорьевичъ, адресъ-то написанъ? спросилъ онъ меня.

— Хорошо, отвѣчалъ я.

— Вотъ какъ мы отличились-то.

Романъ Никоноровичъ тоже былъ на верху счастья! Какъ выразительно прочиталъ онъ адресъ, отчеканивая каждое слово; какую рабскую преданность начальнику выражали его глаза, когда онъ съ легкимъ поклономъ благоговѣнно подносилъ ему красиво и четко написанную бумагу; какимъ восторженнымъ взглядомъ окинулъ онъ общество поводя щетинистыми усами.

— Вѣроятно, Клавдій Виссаріоновичъ повѣситъ нашъ адресъ на стѣнку у себя въ квартирѣ? Какъ вы думаете, Романъ Никоноровичъ? спросилъ Тупицынъ.

— Несомнѣнно: не позволить же ему валяться гдѣ-нибудь въ бумагахъ, авторитетно отвѣтилъ Щетинниковъ:— такія вещи не валяются гдѣ-нибудь въ пыли, не отдаются

на съѣденіе мышамъ, а хранятся за стекломъ и вывѣшиваются на самое видное мѣсто.

Волчихинъ жадными глазами слѣдилъ за движеніями каждаго, готовый разорвать того, кто позволилъ бы себѣ недостаточно подобострастно судить о дѣятельности Шутилова.

XX.

Какъ скоро увядаютъ лавры и розы, возлагаемые рукою рабовъ, даже на челѣ людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ и украшенныхъ чинами и орденами, и остаются одни шипы! Какъ скоро умолкаютъ оды, исходящія изъ устъ корыстолюбивыхъ льстецовъ, и слагаемая даже въ честь и славу людей, занимающихъ высокіе служебные посты, и замѣняется сатирой!

Черезъ мѣсяць послѣ событій, о которыхъ говорится въ предыдущей главѣ, Клавдій Виссаріоновичъ жаловался въ письмѣ одному изъ своихъ знакомыхъ, что его все забыли, никто ни одной строчки ему не написалъ, чего онъ никакъ не ожидалъ отъ своихъ, какъ онъ думалъ, преданныхъ ему друзей-товарищей. Но еслибы онъ зналъ, что говорилось о немъ въ кругу съ рабскою угодливостью такъ недавно чествовавшихъ его, то отказался бы отъ всѣхъ ихъ почестей, такъ ослѣпившихъ его, благодаря которымъ онъ оттолкнулъ отъ себя людей, преданныхъ ему на самомъ дѣлѣ.

На другой же день послѣ поднесенія ему адреса раздавались голоса, обвинявшіе бывшаго начальника въ двуличіи. Припомнимъ, что кому-то изъ подчиненныхъ на вопросъ о томъ, какъ онъ уживается на службѣ, если взгляды его несолидарны съ возрѣніями правительства, онъ отвѣчалъ, что онъ обязанъ въ этомъ отношеніи одному высокопоставленному лицу, занимающему важный отвѣтственный постъ въ служебной іерархіи по вѣдомству народнаго просвѣщенія. И на другой вопросъ: А развѣ администраторъ, ему покровительствующій, тоже несогласенъ съ возрѣніями правительства—отвѣчалъ: „Нѣтъ, онъ убѣжденный сторонникъ неограниченнаго царскаго самодержавія“—„Такъ какъ же вы съ нимъ ладите?—“ „Приходится ладить“.

Весьма возможно, что Клавдій Виссаріоновичъ ошибался относительно убѣжденій лица, ему покровительствующаго.

Весьма вѣроятно, что это былъ просто бюрократъ—карьеристъ, для котораго самое главное—устройство собственной карьеры, а до родины и ея судьбы нѣтъ никакого дѣла. Были случаи, когда онъ покровительствовалъ не только такимъ лицамъ, какъ Клавдій Виссаріоновичъ, но и самымъ обыкновеннымъ мошенникамъ, не стѣснявшимся смѣшивать казенный сундукъ съ своимъ карманомъ. Подобные бюрократы—карьеристы всегда оказывали большія услуги революціи, хотя быть можетъ самъ того не замѣчая и вовсе того не желая. Не даромъ же говорятъ, что всего болѣе потрудились на пользу революціи графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ,—въ особенности послѣдній.

Принявъ во вниманіе вышеприведенный разговоръ Клавдія Виссаріоновича съ подчиненнымъ, нѣкоторые пришли къ заключенію, что Клавдій Виссаріоновичъ просто ловить рыбу въ мутной водѣ: вверху обманываетъ начальство, притворяясь преданнымъ слугою отечества, внизу обманываетъ подчиненныхъ, тоже притворяясь преданнымъ слугою отечества (въ другомъ уже смыслѣ); сверху на него сыплются чины и ордена, внизу его считаютъ „борцомъ за свободу“ и борцомъ не послѣднимъ. Вотъ онъ и доволенъ! Обвиняли его и въ томъ, что посѣщая одно училище за другимъ при ревизіяхъ, онъ рассказывалъ, гдѣ и что дѣлается: гдѣ учителя живутъ мирно, гдѣ ссорятся и изъ-за чего,—значить, отправлялъ „сарафанную почту“. Все некрасивое и нелестное для Клавдія Виссаріоновича всплывало наружу. Припоминались грѣшки, сдѣланные имъ еще въ бытность его сельскимъ учителемъ и учителемъ семинаріи. Припоминали и то, что часто онъ отказывался отъ своихъ словъ и приходилось уличать его въ произнесеніи ихъ подобно тому, какъ нѣкогда уличилъ его Василій Васильевичъ, сославшись на журналъ земскаго собранія.

Но едва ли не самый тяжелый ударъ нанесъ ему Романъ Никоноровичъ Щетинниковъ, казавшійся преданнымъ работникомъ его, облагодѣтельствованный имъ, читавшій и собственными руками торжественно подносившій ему адресъ въ гостиницѣ „Золотой Якорь“.

Клавдій Виссаріоновичъ считалъ Романа Никоноровича, своего перваго любимца, „борцомъ за свободу“, человекомъ способнымъ пострадать за свои убѣжденія и, конечно, готовъ

былъ, кому слѣдуетъ, доказывать, что убѣжденія его самыя святыя, чистыя и непорочныя; но каково же было его изумленіе, когда онъ черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ получилъ извѣстіе, что Щетинниковъ запятналъ себя самымъ позорнымъ дѣломъ, и запятналъ такъ скоро, едва разставшись со своимъ патрономъ.

Вотъ что случилось.

Вмѣсто изнаннаго Шутиловымъ Ѳедота Тимофеевича Кириллова, ушедшаго въ священники, въ сотрудницы Роману Никоноровичу была зачислена молодая дѣвушка, только что окончившая курсъ гимназіи. Щетинниковъ почему-то заподозрилъ ее въ политической неблагонадежности, позволилъ себѣ сдѣлать обыскъ въ классѣ, ей ввѣренномъ, отобралъ у дѣтей книжки, которыя выдала имъ учительница, признавъ ихъ запрещенными, вынесъ изъ класса учительницы шкафъ съ книгами и письменными принадлежностями, обязавъ ее за каждой книжкой, за каждымъ карандашемъ или грифельмъ обращаться къ нему, какъ къ завѣдывающему училищемъ.

Въ это время въ районъ пріѣхалъ директоръ народныхъ училищъ Софѣинъ и инспекторъ (преемникъ Шутилова), уже успѣвшій узнать о подвигѣ Щетинникова, рассказалъ ему и пріѣхалъ въ училище вмѣстѣ съ нимъ.

Разобравъ дѣло на мѣстѣ, они распорядились, чтобы шкафъ съ книгами и письменными принадлежностями былъ водворенъ на прежнее мѣсто, разъяснили Роману Никоноровичу, что дискредитировать учительницу въ глазахъ учениковъ—дѣло совершенно антипедагогическое, а отобранныя у учениковъ книжки приказали теперь же представить инспектору при рапортѣ, въ которомъ переписать заглавія всѣхъ представляемыхъ книгъ.

Черезъ нѣсколько времени инспекторъ увѣдомилъ Щетинникова, что онъ напрасно погорячился! Книжки одобрены ученымъ комитетомъ для школъ, слѣдовательно, учительница пострадала только за выполненіе своего долга и прямой обязанности, и потому совѣтовалъ ему извиниться передъ молодой дѣвушкой, просить у ней прощенія. Но чтобы Романъ Никоноровичъ Щетинниковъ сталъ просить прощенія у какой-то молодой дѣвушки—быть этого не можетъ! Онъ не только не созналъ гнусности своего поступка, а еще считалъ себя безъ вины пострадавшимъ, распускалъ слухи, что

будто бы инспекторъ не всѣ книги возвратилъ, что будто бы между ними были не только не одобренные, но, еще и запрещенныя, которыя инспекторъ почему-то скрылъ... и, по слухамъ, Щетинниковъ угрожалъ сообщить обо всемъ владыкѣ и губернатору. Оскорбленная дѣвушка отказалась служить въ одномъ училищѣ со Щетинниковымъ и вышла изъ района.

Извѣстіе о такомъ происшествіи сильно огорчило Клавдія Виссаріоновича. Онъ писалъ знакомому, извѣстившему его о происшедшемъ, что когда напоминаютъ ему о Щетинниковѣ, ему становится дурно: его душитъ чувство какого-то омерзительнаго отвращенія къ своему бывшему любимцу, такъ недавно стоявшему во главѣ общества, чествовавшаго Клавдія Виссаріоновича. Такъ разочаровался Шутиловъ въ одномъ изъ близкихъ къ нему людей. Но ему приходилось разочароваться и въ другихъ любимцахъ, скоро позабывшихъ его.

Послѣ описанныхъ событій въ сотрудники Щетинниксву былъ зачисленъ Волчихинъ. Началась между ними борьба за обладаніе генеральской квартирой, о чемъ своевременно, можетъ быть, мы и расскажемъ.

А теперь только замѣтимъ, что начинали учащаться признаки надвигающейся грозы. Революціонное движеніе подымалось. Освободительная волна расплывалась все шире и шире, поглощая и унося съ собою не однихъ искателей приключеній, но и добрыхъ юношей, мужей разума, надежныхъ работниковъ, истыхъ слугъ отечества, трудившихся на разныхъ отрасляхъ служебной, общественной и частной жизни. Позорная война обнаружила глубокія язвы громаднаго организма, называемаго администраціей государства великаго народа, и въ умахъ самыхъ мирныхъ людей посѣяла недоувѣріе и ненависть къ существовавшему государственному строю.

Въ печати чаще и чаще раздавались голоса о немедленномъ созваніи земскаго собора. Напоминалось, что земскій соборъ—явленіе, изстари присущее русскому міру, и не можетъ быть пугаломъ для властей предержавшихъ, что онъ всегда собирался въ тяжелыя времена, грозившія чреватými событиями.

Василій Васильевичъ Занозинъ доказывалъ сотрудникамъ если представлялся случай, что безъ земскаго собора обоѣ

тись нельзя; онъ увѣрялъ, что государственный переворотъ неминуемъ: путемъ ли эволюціи, или путемъ революціи, только непременно онъ осуществится.

Фалалей Аскалоновичъ захлебывался отъ удовольствія, слыша такія рѣчи, и при случаѣ повторялъ ихъ кому-нибудь уже отъ своего имени. Онъ подбиралъ всякую прокламацію, позорящую бюрократію, жадно перечитывалъ ихъ тайкомъ по нѣсколько разъ и пряталъ гдѣ-нибудь до благоприятнаго времени, или отдавалъ для прочтенія самымъ надежнымъ людямъ.

Зинону Зоилевичу Берлогу, такъ долго мечтавшему объ учрежденіи „кружка“ или „общества“ представилась полная возможность осуществить завѣтную мысль: безъ всякаго труда приобрѣлъ онъ нѣсколько экземпляровъ подпольной литературы, пригласилъ къ себѣ вечеромъ на чай мѣстнаго фельдшера да дьячковича, исключеннаго изъ духовнаго училища, и „кружокъ“ готовъ; три пріятели горячо обсудили вопросъ о переустройствѣ государства... Фельдшера и дьячковича особенно плѣнила мысль о равенствѣ и товариществѣ, о раздѣленіи движимаго и недвижимаго имущества богачей, такъ безбожно обокравшихъ ихъ обоихъ, еще прежде появленія ихъ на свѣтъ Божій.

Царфенъ Титовичъ Кислякомъ долго колебался въ томъ, по какому теченію плыть: выступить ли борцомъ за свободу, или жениться на поповнѣ, забраккованной богословами, или поступить въ священники. Рѣшился отдаться послѣднему теченію, по пословицѣ: „не сули журавли въ небѣ, а подай синицу въ руки“. Оно хорошо бы выступить и борцомъ за свободу, если бы скоро установилось всеобщее равенство и пришлось приступить къ дѣлежу имущества богачей, но жди, когда еще осуществится эта великая идея... А тутъ такъ просто: женился на поповнѣ и благоденствуй.

Даже Михайло Борисовичъ Ячейкинъ увлекся новыми вѣяніями, и многіе считали его ярымъ революціонеромъ. Въ бесѣдѣ со своими знакомыми онъ часто повторялъ фразу, конечно заимствованную имъ отъ другихъ, что „права не отдаются, а завоевываются“... „Надо завоевать права, вырвать ихъ у бюрократіи“, говаривалъ онъ. Онъ убѣдился на опытъ, что на пчелахъ далеко не улетишь, о чемъ тоже часто высказывался въ дружескомъ кружкѣ, находилъ необходи-

мымъ заняться чѣмъ--нибудь другимъ. Въ освободительномъ движеніи его болѣе интересовалъ вопросъ матеріальный, нежели идейный. И хотя носились слухи, что онъ не однажды пострадалъ за свои убѣжденія, но они оказались лишеными всякаго основанія: Михаилъ Борисовичъ ни разу не получалъ замѣчаній за свободомысліе ни отъ полицейскихъ властей, ни отъ училищнаго начальства. Ему не представлялось такого благопріятнаго случая, какой представлялся сверстнику его Шарфену Титовичу Кислякову—жениться на поповнѣ и получить въ приданое священство. И долго онъ не думалъ, а на что рѣшиться, чтобы до нѣкоторой степени обезпечить свою будущность въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ и ему судьба улыбнулась: ему представился случай жениться на вдовѣ съ богатымъ приданымъ. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно равнодушно сталъ относиться къ освободительному движенію, волна котораго начала подыматься все выше и выше въ нашей мѣстности.

Братъ Никандра Андреевича земскій начальникъ, привлеченъ былъ къ жандармскому дознанію по дѣлу о революціонной пропагандѣ и устраненъ отъ должности. Никандръ Андреевичъ и непосредственно и черезъ своихъ пріятелей началъ подбивать мужиковъ къ составленію приговоровъ о возвращеніи имъ такого прекраснаго начальника, какъ его братъ. Никандръ Андреевичъ не понималъ ни комичности своего положенія, ни того противорѣчія, какое существуетъ между требованіемъ мужиковъ о возвращеніи имъ земскаго начальника и революціоннымъ духомъ, будто бы ихъ обявшимъ. Вѣдь люди, влюбленные въ себя, обыкновенно не замѣчаютъ комичности своего положенія, а Никандръ Андреевичъ былъ влюбленъ не только въ себя, но еще и въ Клавдія Виссаріоновича.

Революціонный духъ, однакоже, дѣйствительно обуюалъ мужиковъ. Вполнѣ соглашаясь съ проповѣдью поклонниковъ Никандра Андреевича и Клавдія Виссаріоновича, они перестали носить деньги въ казначейство. Но такъ какъ деньги куда-нибудь да надо было носить, то мужики понесли ихъ въ винныя лавки, отчего правительство, которое желало подорвать, оказалось только въ барышахъ, а пострадали прежде всего земскій сундукъ и касса министерскихъ училищъ, обслуживающихъ то самое населеніе, во имя пользы котораго дѣйствовали

проповѣдники. Учителя, получающіе жалованіе изъ земскихъ и волостныхъ средствъ, вносившихся, по установившемуся порядку, въ казначейство въ депозиты инспектора, оставались безъ жалованья. Весь сшитый изъ логическихъ противорѣчій, Никандръ Андресвичъ отыскалъ причину этого печальнаго явленія не въ проповѣдяхъ своихъ поклонниковъ, а въ томъ, что инспекторъ произвольно сократилъ ассигновку на министерскія училища. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ докладъ земскому собранію и попечителю учебнаго округа принесена была на инспектора жалоба.

Но когда дошло дѣло до того, что и самому Никандру Андреевичу приходилось оставаться безъ жалованья, онъ совместно съ братомъ подалъ въ отставку, предварительно напечатавъ въ мѣстныхъ газетахъ открытое письмо къ публикѣ, въ которомъ заявили, что они не находятъ возможнымъ оставаться на службѣ при существующемъ режимѣ. Злые языки, однако, говорятъ, что братъ его все равно былъ бы уволенъ, а онъ не былъ бы утвержденъ, если бы и былъ избранъ на наступающее трехлѣтіе.

Клавдій Виссаріоновичъ на новомъ мѣстѣ службы быстро „распропагандировалъ“ учителей и учительницъ и они, весьма усердно занимавшіеся раньше обученіемъ ребятъ въ школь, устройствомъ воскресныхъ школъ и вечернихъ классовъ для взрослыхъ и тѣмъ снискавшіе любовь населенія, стали предпочитать этимъ занятіямъ устройство собраній и съездовъ, на которыхъ обсуждаются вопросы о способахъ спасенія отечества, и въ результатъ спастись бѣдствомъ отъ «черносотенныхъ элементовъ» крестьянства. Нести тяжесть послѣдствій приходится однакоже учителямъ и учительницамъ, а не Клавдію Виссаріоновичу, которому покровитель устроилъ переводъ въ третью губернію. Учителя изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, считавшіеся ранѣе первыми и весьма желательными кандидатами священства, теперь на свои просьбы получаютъ отъ мѣстнаго преосвященнаго Іова отвѣтъ: «А—а! изъ прекрасной сарміи распрекраснаго Шутилова!... Ищите себѣ службы внѣ церкви, въ которой вамъ не мѣсто».

Копье Архангела Итуріила.

Святая власть копьемъ Итуріила
На небесахъ свой правый судъ творила:
Кого-нибудь коснулося оно—
И тѣмъ уже безгрѣшно рѣшено.
Кто есть пытуемый воитель—
Пресвѣтлый духъ, стремящій къ Богу взоръ,
Иль демонъ злой, лукавый, обольститель,
Святымъ вѣнцомъ прикрывшій свой позоръ?

Заснулъ я какъ-то у потока,
И снилось мнѣ: Летѣлъ съ востока
Съ копьемъ своимъ Итуріиль.
Ни слова онъ не говорилъ,
Спустился на землю: среди долины
Стоялъ вблизи кустовъ калины,
Гдѣ пѣлъ прозорливый скворецъ.

Но вдругъ предсталъ предъ нимъ „борецъ
За братство, равенство и волю“.
Какъ часто онъ ропталъ на долю,
Служа отечеству въ чинахъ,
Въ мундирѣ, разныхъ орденахъ...
Но совѣсть въ немъ заговорила,
Когда копье Итуріила
Коснулося мнимаго борца
И обличило въ немъ лжеца:
„Очисти, Боже неподкупный,
Промолвилъ онъ—„мой духъ преступный.
Какъ часто грѣшныя уста
Мои безславили Христа;

Какъ много прелестью обмана
Въ умы людей нагналъ тумана;
Какъ много чистыхъ искусилъ.
Служитель темныхъ адскихъ силъ!
Какъ часто гнулся я дугою
Предъ сильнымъ: преданнымъ слугою
Считалъ меня добрякъ-патронъ,
Хранящій свято царскій тронъ...
Межь тѣмъ какъ я губилъ для моды
Подвластныхъ въ битвахъ „за свободы“,
На дерзкій подвигъ поощрялъ...
И не одинъ изъ нихъ застрялъ
Въ острогахъ мрачныхъ, ссылкахъ дальнихъ
Подъ тяжкимъ гнетомъ дней печальныхъ!
Какой же гнусный я пошлякъ:
Вѣдь не татаринъ, не полякъ,
А сбѣялъ смуту въ—тихомолку
И тѣмъ сбивалъ невинныхъ съ толку“.

Положеніе народнаго учителя, какъ культурнаго работника, въ деревнѣ въ наши дни.

(Изъ пережитаго).

Волна освободительнаго движенія, захвативъ болѣе или менѣе сознательныя группы народнаго учительства, дошло и до нашего медвѣжьяго угла.

Въ историческіе октябрьскіе дни по школамъ уѣзда время отъ времени начали устраиваться учительскія собранія, на которыхъ обсуждались всевозможные вопросы, выдвинутые «на очередь» переживаемыми событіями. Причемъ кардинальнымъ пунктомъ нашихъ преній всегда считался вопросъ, какъ послужить дѣлу освобожденія страны отъ приказно-бюрократической опеки. Большинство голосовъ склонялось къ той мысли, что надо непремѣнно заняться политическимъ воспитаніемъ народа.

Разумѣется, общее политическое воспитаніе массъ въ томъ или въ другомъ направленіи въ значительной степени зависитъ отъ развитія этихъ массъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Слѣдовательно это задача будущаго. Но для даннаго момента является необходимымъ во первыхъ разъяснить населенію сущность и значеніе возвѣщенныхъ манифестомъ свободъ, во 2-хъ познакомить крестьянъ съ избирательнымъ правомъ и въ 3-хъ съ болынымъ для нихъ аграрнымъ вопросомъ.

Такова наша программа. Выполнить ее въ общихъ чертахъ — вопросъ нѣсколькихъ дней, причемъ многіе думали, что это дѣло у каждаго учителя подъ руками.

Тѣмъ сильнѣе, значить, было разочарованіе, когда при первомъ же нашемъ выступленіи мы встрѣтили такія непреодолимые препятствія, что пришлось прекратить работу чуть не

въ половинѣ ноября. Нужно замѣтить, что никто изъ насъ не выступалъ въ роли политическаго агитатора, потому что никто не принадлежалъ къ опредѣленной политической партіи: всѣ, или по крайней болышинство учителей, были безпартійные. Но каждый дѣйствовалъ только въ своей учительской роли, какъ культурный работникъ въ доступной ему области внѣшкольнаго образованія народа.

Словомъ, съ формальной точки зрѣнія, мы, учащіе, были правы — правы сугубо; такъ какъ казенная администрація, подъ вліяніемъ момента, имѣла настолько растерянный видъ, что не знала, что и дѣлать: поощрять или „престѣкать“ нашу дѣятельность. Что касается земства, — оно, если и не было, то по крайней мѣрѣ желало быть въ курсѣ настоящаго дѣла.

Къ чести нашего земства слѣдуетъ отнести, что оно въ пресловутые октябрьскіе дни первое занялось разъясненіемъ манифеста городскимъ жителямъ, собравъ таковыхъ нарочно въ зданіе управы. Кромѣ того управа разсылала по школамъ литературу по политическимъ вопросамъ, безусловно легальнаго содержанія. Она предполагала выписывать для народа въ нѣкоторые пункты газеты прогрессивнаго направленія, вроде «Рус. Сл.», «Прав. Божіей» и «Бирж Вѣд-стей».

Такимъ образомъ управа послужила какъ бы щимъ-бромъ для учительства, пустивъ пробный номеръ своей политической программы.

Но этимъ номеромъ и окончилась дѣятельность управы въ области политики.

Въ городѣ началось черносотенное движеніе, вдохновляемое разными темными силами. И будто бы поводомъ къ послѣднему послужилъ «митингъ» въ управѣ, т. е. упомянутое объясненіе манифеста обывателямъ. Управа вдругъ перепугалась, замолчала, и даже готова была пустить репрессивныя мѣры по отношенію къ интеллигенціи, занявшейся разъясненіемъ того же манифеста по деревнямъ.

Между тѣмъ означенное черносотенное движеніе изъ города перекинулось и въ наши медвѣжьи углы, гдѣ встрѣтило особенно благодатную почву для себя. Начались формальныя погромы, направленные главнымъ образомъ на расадники просвѣщенія и на сельскую интеллигенцію — учителей, врачей.

Вотъ напริมѣръ что сообщалось недѣли черезъ три послѣ нашихъ выступленій въ «Рус. Вѣд.» «12-го ноября въ малышевской земской школѣ Загорновской волости было назначено засѣданіе правленія мѣстнаго общества взаимопомощи земскихъ служащихъ. Такъ какъ засѣданія правленія обыкновенно бывали открытыми для всѣхъ членовъ общества, то на это засѣданіе явилось около 40 лицъ, главнымъ образомъ учителей, учительницъ и врачей. Собраніе назначено было днемъ. Въ программѣ засѣданія значилось, между прочимъ, выясненіе положенія дѣлъ въ уѣздѣ послѣ 17-го октября. При обсужденіи этого вопроса выяснилась съ полною очевидностью агитация противъ мѣстныхъ учителей и врачей со стороны мелкихъ полицейскихъ чиновъ, волостныхъ писарей, старшинъ, трактирщиковъ и агентовъ охраннаго отдѣленія, призывающихъ темныя народныя массы къ истребленію всей интеллигенціи въ уѣздѣ; выяснилось, что въ уѣздѣ и городѣ намѣчено къ избіенію нѣсколько лицъ изъ состава земскихъ служащихъ, учитель степенщинской земской школы былъ избитъ съ полѣ неизвестными людьми, напавшими на него съ криками: «Вотъ учитель, бей его!»... Еще не былъ законченъ первый вопросъ программы, какъ въ школу съ наступленіемъ темноты начали ломиться малышевскіе крестьяне съ требованіемъ допустить ихъ въ собраніе. (Ихъ было двое, оба пьяные).. Около 6-ти час. вечера вмѣстѣ съ группой малышевскихъ крестьянъ съ бѣшенными криками ворвался разъяренный крестьянинъ дер. Кузнецовой той же волости Иванъ Л. и началъ бить окна, двери и посуду, которая стояла на чайномъ столѣ, при безучастномъ отношеніи малышевцевъ, которые хотя сами не били, но не мѣшали бить, а затѣмъ кузнецовскіе крестьяне вскорѣ двумя партіями, каждая въ количествѣ 10-12 человекъ, подъ командой какихъ-то личностей ворвались въ школу съ криками «Бей ихъ», «бей по головѣ», «по головѣ бей». Уже во время буйства Ивана Л. всѣ участники собранія вышли изъ школы и направились частію къ станціи Б.-цы М.-Каз. ж. д., а частію въ дер. Малышево. Пьяная толпа сначала громила школу, докапчивая разгромъ оконъ и дверей, разыскивая учителей. затѣмъ кинулись догонять ушедшихъ; но благодаря темнотѣ вечера почти всѣ благополучно добрались до станціи, и за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, получившихъ удары кулакомъ, никто серьезно не пострадалъ.

Квартира учительницы Малышевской школы разграблена совершенно; что было возможно взять, все унесено.» («Рус. Вѣд.» № 303 1905 ноябрь).

Какъ видно изъ этой корреспонденціи, настроеніе учителей было и безъ того подавлено. А послѣ описаннаго погрома всѣ спрятались по своимъ конурамъ. Прогрессивныя начинанія замерли. Остались двое—трое изъ учительскаго персонала, которые, не смотря на явное противодѣйствіе населенія, выразившееся въ злобѣ, ненависти къ своимъ просвѣтителямъ, не теряли еще надежды помочь хоть малость народу въ его духовномъ ростѣ, на поворотѣ къ новой жизни.

I.

Довольно пожилой «гонимый» учитель Ивановъ, проработавшій въ разныхъ школахъ медвѣжьяго угла около 25 лѣтъ, когда ему намекали на невозможныя условія учительскаго труда, говорилъ, что подвиговъ и жертвъ учитель не долженъ бояться. «Въ данный моментъ, по моему, нельзя никакъ мириться съ насиліями. откуда бы таковыя ни исходили. Нельзя... Противно... Ибо жизнь человѣка священна. Она безконечно возвышается надъ интересами государства и его «спокойствія»; но не можетъ приноситься и въ «жертву» революцій, — не можетъ, — по выраженію Герцена, — быть «мясомъ» освобожденія».

Хотя бы вы не были сторонникомъ идеалистической философіи и не считались бы съ требованіемъ религіи, продолжалъ ораторъ, но достаточно малость вникнуть въ психологію человѣка, и вы согласитесь съ тѣмъ, почему, за четверть вѣка, отдававшій всѣ свои силы дѣтямъ и взрослымъ, нашъ родной учитель, почему онъ не терпитъ насилій.

Прежде всего психологія всякаго такого учителя невидимыми нитями связана съ психологіей 7—8—ми лѣтняго въ сущности незлюбливаго ребенка—такого ребенка, который пугается крику своего пьянаго отца, который не выноситъ крови, и наоборотъ, который безконечно радуется всякому проявленію жизни: онъ радуется травкѣ, цвѣтку, почкѣ лиственки, голосу птички; онъ ищетъ общенія съ домашними животными и понимаетъ ихъ языкъ. Да, эти дѣтскія чувства близки учителю, который и самъ по временамъ становится

какъ бы дитятей, ^{на} именно, когда онъ своимъ духовнымъ взоромъ глубоко проникаетъ въ душу ребенка, когда борясь съ дурными наклонностями въ ней, вызываетъ ростки добра къ жизни, изъ которыхъ особенно цѣннымъ должно признать незлобіе, простоту, искренность, ведущія къ любви и уваженію къ личности.

— Я думаю, заключилъ свою мысль старый учитель, — что такія же простыя, искреннія, проникнутыя любовью, должны установиться наши отношенія и съ населеніемъ.

Что Ивановъ былъ человекъ религіозный и идеалистически настроенный, что отношенія его съ населеніемъ были безукоризненныя, — это мы давно знали. И тѣмъ удивительнѣе было для насъ, что этотъ популярный среди населенія учитель подвергался не разъ большой опасности въ октябрьскіе дни.

Собрались мы какъ-то цѣлою компаніей (впрочемъ не болѣе 3-хъ человекъ) къ Иванову, и онъ намъ чистосердечно разсказалъ о своихъ похожденияхъ въ дни свободъ.

Ивановъ началъ разсказъ такъ: II

— Да, братцы, началъ Ивановъ, — по примѣру остальныхъ, и я собралъ въ школу народъ, съ цѣлью разъяснить ему смыслъ и значеніе возвѣщенныхъ манифестомъ свободъ. Я это считалъ обязанностью, долгомъ, такъ какъ крестьяне моего района въ подавляющемъ большинствѣ не могли отдѣлать свободы, получающей основаніе въ правѣ и регулируемой законами, — отъ самаго дикаго произвола — отъ «свободы отъ совѣсти».

Но я рѣшительно не предполагалъ, чтобы темные люди подъ влияніемъ провокаціи, собирались устроить мнѣ «забастовку», т. е. — избить, а мнѣ и убить меня...

Дѣло объяснилось потомъ весьма просто. Въ деревнѣ прошелъ слухъ, что будто бы въ школахъ стануть собирать народъ и приводить его къ подписи... подъ «листомъ», гдѣ говорилось объ исключеніи Царя и Бога, а на мѣсто онаго «предполагалось» воротить народъ къ старому крепостному порядку, такъ любезному «господамъ».

Вотъ почему «публика», собравшись въ количествѣ около 300 чел. въ школу, вела себя крайне вызывающе, и по видимому мало вслушивалась въ мои объясненія. Безпрестанно раздавались возгласы: «мы этого не желаемъ», „мы не

согласны! „...ни свободъ, ни Г. Думы, посягающей на власть монарха (вопросъ о Думѣ, какъ видите, заранее предрѣшался), мы не потерпимъ!...—Настроение моей аудиторіи, рассказывалъ Ивановъ,—съ каждой минутой все болѣе и болѣе повышалось. Я понялъ, что дѣло принимаетъ худой оборотъ!

Остановился. Въ заднихъ рядахъ между нѣкоторыми лицами шли какія-то подозрительныя перешушукиванія.

Краснобородый мужикъ и его сосѣдь, съ большими мутными ивяными глазами, прохрипѣли нѣсколько разъ: «читай дальше! про царя, да про землю! А это намъ не нужно!... Брось! не путай! слышь!»...

Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось. Но къ счастью нашлись благоразумные люди, и можете себѣ представить кто? оженщины, даже старухи! онѣ очень энергично крикнули на извѣстныхъ горлопановъ и пропойцевъ, указывая прямо съ какою цѣлью тѣ явились въ школу.

Но „читать“ и разъяснять, разумѣется, дальше не пришлось. Бесѣда была сорвана, та обычная, параллельно съ разговорами, съ обмѣномъ мыслей, бесѣда, которую мнѣ не однажды приходилось вести съ народомъ на чтеніяхъ, съ тупыми картинками.

Все было забыто тупымъ неблагодарнымъ населеніемъ, продолжалъ съ горечью Ивановъ,—устройство хора, пѣніе, чтеніе, разговоры, совѣты,—вся внѣшкольная на пользу народа бесплатная работа, поглощающая цѣликомъ весь доходъ учителя — все это забыто.

А вспомниды, или, вѣрнѣе сказать, придумали темные люди, какіе—то небывалыя вины за учителемъ. Посыпалась клевета, пошли толки на разные лады, создалась цѣлая гора сплетень. Много было нелѣпаго и комичнаго, и наконецъ завершилось такимъ же нелѣпымъ и комичнымъ, полуоффициальнымъ дознаніемъ по поводу «митинга» въ школѣ.

Дознаніе производилъ мѣстный старшина, по чѣму—то приказу.

Хотя это не важно. Важно, что онъ былъ дѣятельный черносотенець, и умѣлъ подойти къ мужику.

Старшина собралъ сходъ, и обратился къ нему съ вкрадчивой рѣчью. Опъ началъ, по обыкновенію, съ «забастовокъ» и незахѣтно приблизился къ «кромольникамъ», дирижирующимъ этими забастовками, изъ которыхъ значительную часть составляютъ учителя.

— Сказываютъ и вашъ-то учитель въ нехорошее дѣло замѣшанъ? Задалъ онъ вопросъ мужикамъ. При этомъ «ревнитель древляго благочестія» глубоко вздохнулъ и окинулъ печальнымъ взоромъ толпу.

Боящіеся судовъ и всякихъ проволочекъ мужики переминались... На этотъ разъ они какъ будто уже «запаматовали». Да дѣйствительно, едвалибы смогли учесть себя и все слышанное ими въ школѣ.;

Впрочемъ, учитель что-то такое толковалъ имъ на счетъ свободы союзовъ. И при этомъ приводилъ слѣдующій наглядный примѣръ. «Положимъ, братцы, говорю я народу, — въ вашей деревнѣ найдутся трое или четверо пчеловодовъ, да столько или больше въ Малышевѣ. Эти пчеловоды могутъ теперь, по смыслу манифеста, устроить изъ себя общество. А общества могутъ соединиться въ одно большое общество, которое называется «союзомъ». Въ тѣхъ или другихъ нуждахъ члены союза будутъ собираться, предпринимать что—нибудь или обдумывать, какъ развить, улучшить пчеловодное дѣло.

Польза подобныхъ обществъ и союзовъ, говорю я, несомнѣнна, братцы, — польза та, которая видна изъ пословицы, что «умъ хорошо, а два лучше».

— Этотъ примѣръ, добавилъ Ивановъ, — почему-то особенно вѣзался въ памяти у мужиковъ. И вотъ одинъ изъ нихъ, *тоже* изъ благочестивыхъ православныхъ, подходит къ старшинѣ, кланяется и говоритъ: «Явите Божескую милость, Карпъ Иванычъ, уберите отъ насъ нашего учителя».

— Въ чемъ дѣло?! — обрадовавшись, спрашиваетъ старшина.

— Да онъ, — отвѣчаетъ доносчикъ, — въ тѣ поры, какъ собралъ насъ, и говоритъ: «такъ и такъ православные, — теперь, значить, ни царя, ни Бога не надо, а разводите больше пчелъ».

Мужики еще больше растерялись. Поднялся крикъ, споръ, но о чемъ, — не разберешь.

Да и самъ старшина затрудняется, какъ отнестись къ подобному «сообщенію». Онъ призываетъ къ порядку мужиковъ, которые зашумѣли совсѣмъ ужъ о другомъ, — можетъ быть съ цѣлю, чтобы отвлечь вниманіе отъ непріятной темы. Наконецъ среди общаго гвалта обращаетъ на себя вниманіе голосъ другого мужика. Это сосѣдъ и возница мой. Онъ, перекрикивая

остальныхъ, старается въ оправданіе меня разъяснить по своему, какъ дѣло было.

— Неправда, неправда, Карнъ Иванычъ, размахивая руками, говоритъ онъ, — учитель ни противъ Бога, ни противъ Царя ничего такого не высказывалъ. А на счетъ пчелъ дѣйствительно шелъ разговоръ. Онъ спросилъ: «православные, есть ли промежь васъ пчеловоды?» Тогда мы указали на Баранова, который годовъ 15-тому назадъ занимался пчелами. — Анкакимъ порядкомъ онъ велъ это дѣло? спрашиваетъ опять учитель. Да, молъ, обыкновеннымъ. Примѣрно весною, при выставкѣ пчелъ онъ покупалъ миру четвертную вина, — за то самое покупалъ, что и пчела и кусачка; потомъ объ Усиленье, когда продавалъ пчелиный медъ, ставилъ другую четвертную мужикамъ, — эту за выручку. Вотъ, молъ, какимъ порядкомъ шло у насъ дѣло, г. учитель.

А онъ, учитель-то, и говоритъ: «вотъ что, православные, теперь этотъ порядокъ нужно измѣнить; потому какъ, вышла всѣмъ свобода, то четвертныхъ ужъ больше не ставьте, а пчелъ разводите: отъ нихъ прибыль крестьянину есть. А что касемо земли? Извѣстно, что земли у хрестьянъ не хватка: то, говорятъ, ули съ пчелами можно ставить на Малышевское угодье, либо на уграфское; потому, какъ земля ничья, Божья она, — то, значитъ, не имѣешь полное право никому препятствовать, и все прочее». Вотъ что я слышалъ отъ учителя, — говорю, какъ по Божьи, — заключилъ мой защитникъ.

Опять и опять поднялся крикъ. Раздавались голоса за и противъ меня. Но общій приговоръ былъ таковъ, что учителемъ мы довольны. Восемь лѣтъ онъ живетъ у насъ и никто отъ него худобы не видалъ.

Конечно, этотъ приговоръ не удовлетворилъ старшину, и онъ уѣхалъ, раздосадованный, что не удалось собрать вѣскихъ «фахтовъ», избличающихъ меня въ политической неблагонадежности.

— Вотъ пока, что я вамъ могу сообщить, друзья, — признался Ивановъ, — а что выйдетъ дальше, — постараюсь не сдѣлать секретомъ отъ товарищества.

III.

Никто изъ насъ дѣйствительно не хотѣлъ скрывать своихъ неприяностей. Напротивъ во взаимныхъ признаніяхъ мы находили утѣшеніе, поддержку другъ въ другѣ.

Изъ нашихъ разсказовъ другъ другу все больше и больше выяснялось, что положеніе учителя во дни «свободъ» въ медвѣжьемъ углу—среди наиболѣе темнаго населенія уѣзда—это положеніе было самое тяжелое во всѣхъ школьныхъ районахъ.

Послѣ разгрома Малышевской школы, народъ, подъ вліяніемъ разросшейся легендарной молвы, сталъ крайне недовѣрчиво относиться къ своимъ учителямъ. А по нѣкоторымъ школамъ за послѣдними мужики учредили прямо надзоръ. Съ этой цѣлью они избрали особыхъ сторожей, которымъ приказали караулить (тайно) по ночамъ учительскія квартиры, и въ случаѣ, если къ учителю соберутся товарищи или гости, хотя бы въ количествѣ двухъ—трехъ человѣкъ, —сейчасъ же бѣжать на деревню и сзывать народъ для расправы надъ «релиценерами».

Въ концѣ концовъ, авторитетъ учителя, необходимый въ его педагогической и культурной работѣ, получилъ, что называется, нулевое значеніе въ деревнѣ. Это видно изъ того, что пьяные мужики и трезвые парни, проходя мимо школы, нарочно сквернословничали и горланили свои бевобразныя порнографическія пѣсни.

Это видно даже изъ отношенія школьниковъ къ учителю, которые на занятіяхъ въ нѣкоторыхъ школахъ, въ особенности у учительницъ, вели себя похулигански, а въ нѣкоторыхъ высматривали подозрительными, трусливыми звѣрьками.

Правильныя занятія при подобныхъ условіяхъ вообще вести было невысказано.

Тѣмъ не менѣе мы занимались, а не «бастовали», хотя насъ и называли мужики «забастовщиками».

Съ издерганными въ конецъ нервами, не досыпая по ночамъ, и ожидая каждый день, каждую минуту какой-нибудь бѣды для себя, мы работали, вѣруя въ скорое наступленіе лучшаго будущаго...

Послѣдующія событія, а главное занятія первой Государственной Думы—укрѣпляли лишь нашу надежду на лучший мирный исходъ.

Да и въ народѣ, замѣтно, круто повернулось настроеніе, подъ вліяніемъ этихъ событій: народъ, что называется, началъ помаленьку прозрѣвать, а гдѣ запѣлъ совершенно новаго пѣсни.. о «землѣ и волѣ»...

Въ деревнѣ появилась газета; выписываемая трактирщиками; а чаще покупаемая у разносчиковъ по оказіи.

Иногда заносились брошюры по социальнымъ вопросамъ въ томъ приличномъ и неприличномъ видѣ; въ какомъ выбирается ихъ (брош.) современный книжный рынокъ.

«Голосъ учителя въ данномъ случаѣ долженъ быть слышенъ, и авторитетъ его долженъ быть возстановленъ на подобающую высоту». — Такъ рѣшили нѣкоторые учителя мѣльничьяго угла, и собрались съ силами для продолженія дальной культурной работы въ деревнѣ.

Тактику, разумѣется, придется измѣнить и школьно-педагогическія задачи вообще, по мѣрѣ распознаванія народной души, — рѣшительно переработать.

Въ отношеніи къ переживаемому моменту приняли пока такую программу: 1) избѣгать разговоровъ скопомъ, 2) избѣгать бесѣдъ на политическія темы во время чтеній съ туманными картинами, предполагая, что публика на эти чтенія собирается весьма разношерстная; какъ по своей политической зрѣлости, такъ и по умственному росту. 3) избѣгать вообще споровъ съ людьми опредѣленной окраски и яркими сторонниками реакціи въ особенности.

Въ интересахъ дѣла полезнѣе и целесообразнѣе искать путей для сближенія съ наиболѣе прогрессивными элементами въ деревнѣ, — съ людьми, слѣдящими за политикою, чутко реагирующими на современныя переживанія и особенно интересующимися хорошею книгою.

Но такъ какъ «хорошую книгу» вездѣ и всюду въ настоящее время вытѣсняетъ газета, — мы приняли въ руководство: по возможности изгонять изъ деревни черносотенные листки вроде «Вѣче», «Дня», а также остальную литературу погромнаго характера, вмѣсто которой стараться проводить въ населеніе прогрессивныя изданія, доступныя понятіямъ народа и отвѣчающія его кровнымъ интересамъ.

Вотъ наша программа послѣдняго изданія. Удастся ли выполнить ее, безъ особыхъ осложнений и конфликтовъ съ чьей бы то ни было стороны, — покажутъ время и дѣятельность.

* * *

Отношенія населенія и учительства къ октябрьскимъ событіямъ, въ сущности, открыли глаза тѣмъ и другимъ на

многое. Между прочимъ учительство поняло, что его связь съ населеніемъ была до описанныхъ событій скорѣе виѣшняя, случайная и не имѣла глубокихъ корней въ сознаніи массъ, потому и порвалась при первомъ же испытаніи, правда серьезномъ, исключительномъ испытаніи. А населеніе узнало, инстинктивно почувствовало, что учитель живетъ своимъ особымъ духовнымъ міромъ, совершенно не похожимъ на внутренній міръ мужика.

Онь, учитель, горячо ратуетъ за свои идеалы, какъ за высшія цѣнности жизни.

Но, позвольте, народъ-то этихъ цѣнностей не понимаетъ. Вы говорите на разныхъ языкахъ съ народомъ.

— Вѣрно! вѣрно! — соглашается видящая свои промахи наиболѣе сознательная часть учительства: но тогда что-же дѣлать? что дѣлать?

— Поднять сознаніе массъ, посвятить хоть нѣсколько мужика въ свой духовный міръ. Это ясно, какъ Божій день. Но поднять его не политикою, которой заплатилъ извѣстную дань по чувству гражданскаго долга учитель.

Политика -- вопросъ дня. Да и нужна ли она школь -- это опять вопросъ.

Когда думаешь ликвидировать съ дѣлами и «грѣхами» старой школы, — политику нужно совершенно бросить, въ особенности ту охранительную политику, которую обслуживала народная школа за послѣдніе 20—23 года, въ особенности за время основанія церковно-приходскихъ школъ.

Кто будетъ оснашивать, что подобное служеніе интересамъ охранительной политики нужно поставить въ счетъ грѣховъ народной школы, хотя бы и невольныхъ, «страха ради іудейскаго» совершаемыхъ въ жизни и дѣятельности народнымъ учительствомъ?

Но вѣдь, скажутъ, рѣчь идетъ о политикѣ прогрессивнаго направленія. Такъ ли? Не лучше ли сознаться, что о политикѣ партійнаго характера?

Современная прогрессивная политика, какъ мы знаемъ, представляетъ массу разновидностей; при чемъ каждая такая разновидность или партія по политическимъ задачамъ и тону находится въ рѣзко обособленныхъ отношеніяхъ къ другимъ. Спрашивается, какой же изъ этихъ партій учитель, какъ та-

ковой (не касаясь личных политических воззрѣній), обязанъ служить чрезъ школу?

По нашему мнѣнію—никакой: школа должна быть внѣ-партийная. Да это въ сущности точка зрѣнія великихъ педагоговъ всего міра.

Итакъ служеніе интересамъ политики не относится къ прямой культурно-просвѣтительной дѣятельности народнаго учителя

Но разумеется общіе принципы идеи освобожденія ему всегда будутъ дороги.

Основная и очередная задача, касающаяся дѣятельности народнаго учителя, по нашему мнѣнію, есть та, какъ раскрыть предъ сознаніемъ народа духовный міръ интеллигента,—это тѣ его глубокія переживанія, которыя такъ ярко выразились въ литературѣ золотого періода.

Говоря ближе къ дѣлу—нужно показать понимающему крестьянскому читателю хотя бы переживанія мятущейся больной совѣсти интеллигента, которую съ гениальной прозорливостью, равносильной пророческому вдохновенію, описалъ великій Достоевскій. Близкій ему по таланту «великій писатель земли русской», показываетъ переживанія интеллигента въ иномъ видѣ, а именно въ видѣ «ищущаго правды» и высшихъ моральныхъ цѣнностей жизни. Некрасовъ, Щедринъ тоскуютъ по гражданскимъ идеаламъ и обнаруживаютъ язвы современной дѣйствительности. Таже гражданская скорбь разъѣдаетъ Герцена, Бѣлинскаго; но у нихъ кромѣ того имѣла мѣсто тоска и по Богѣ.

„Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучить“, признается нигилистъ Кириловъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, и въ этихъ мукахъ Богомъ загораются свѣтъ властительныхъ религиозныхъ озареній, тайный зовъ къ Богу...

Говорятъ, типичныя психическія черты «нигилиста» Кирилова напоминаютъ Бѣлинскаго въ мукахъ по Богѣ. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ пишетъ, что Бѣлинскій отказывался ѣсть прежде, чѣмъ не рѣшить вопроса о существованіи Бога.

Герценъ въ этомъ отношеніи, былъ, т. ск., болѣе, активной натурой, и своимъ уравновѣшеннымъ умомъ скорѣе находился на сторонѣ положительныхъ христіанскихъ

идеяловъ. Но и онъ «всю жизнь искалъ Бога!» «Объясните мнѣ, пожалуйста, спрашиваетъ Герценъ, — отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человечество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи умно?».

Кромѣ того къ Евангелію Герценъ относился всегда съ глубочайшимъ уваженіемъ. «Евангеліе, рассказываетъ Герценъ, — я читаю много и съ любовью, по — славянски и въ лютеранскомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости я увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ; это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣхъ возрастахъ, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію Евангелія; и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу».*)

Такова въ общихъ чертахъ, картина внутреннихъ переживаній русскаго интеллигента, которую изобразила съ художественной правдой и замѣчательною искренностью русская литература означеннаго золотого періода, — литература связанная съ великими именами Гоголя, Пушкина, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, Некрасова, Щедрина, Бѣлинскаго, Герцена и др.

Всѣ эти переживанія близки деревенскому интеллигенту — народному учителю. Но со временемъ они стануть близки и сердцу русскаго крестьянина.

Особенно его должны трогать религіозныя исканія интеллигента, такъ какъ простой народъ по существу былъ прежде глубоко — религіозенъ. Правда, религія современнаго крестьянина свелась лишь къ исполненію одной стороны внѣшняго обрядовѣрія.

Вотъ тутъ — то школа, намъ кажется, и должна помочь мужику — главнымъ образомъ проведеніемъ въ народную жизнь Евангелія, святой книги, которая наполняла восторгомъ и удивленіемъ душу ищущаго интеллигента.

Словомъ, дѣло огромное и живое вырастаетъ сейчасъ предъ сознаніемъ народнаго учителя.

*) Собр. соч. т. VI, 59.

Но какъ успѣшно пойдетъ подобнаго рода дѣло — опять покажетъ будущее — то лучшее будущее обновленной и свободной народной школы, котораго при настоящемъ тягостномъ положеніи съ нетерпѣніемъ ждетъ сознательная часть народнаго учительства.

С. Кудрявецъ.

Дневникъ народнаго учителя.

(Посвящается товарищамъ.)

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится.
Будь первый тамъ.

Н. А. Некрасовъ.

3-го апрѣля.

Христось Воскресе! милый Сержъ.

Грустно малость... Ъзжу все, да скитаюсь.—А природа такъ торжественно пробуждается, воскресаетъ отъ смерти. Сколько величія и невмѣстимой гармоніи въ ея красотѣ! Какъ лукаво и женственно дышетъ сизо-бурая грудь рѣки! Какъ тихо и плавно движется море тепло-прохладнаго воздуха... Какъ дѣтски умиленно глядитъ травка! Съ какою радостію и побѣдною пѣснею распускаются листочки на деревьяхъ. Какъ все торжественно и высокосмолитвенно въ пробуждающейся природѣ!

Какъ замѣтно въ ней все живетъ, олицетворяется.—Какъ эта сильная, бьющая жизнь природы зоветъ усталаго пилигрима любить и жить, жить и любить!..

Какими счастливыми и влюбленными глазами гляжу я на просыпающуюся, вѣчно—дѣвственную весну—зеленуху! И какъ рвутся изъ сердечныхъ тайниковъ молитвенныя сонаты... Душевно преклоняю я предъ ея всепобѣждающимъ величіемъ свои колѣни и, припавъ изможденнымъ лицомъ къ ея зеленымъ кудрямъ, горько, неудержимо рыдаю о своемъ ничтожествѣ, своей блѣдной, умирающей жизни, о своемъ

краткомъ, безконечно бѣдномъ бытіи, о страданіяхъ по тюрьмамъ, о переполненной чашѣ, о рабствѣ и неволѣ, о...

Мнѣ такъ хочется пѣть о великомъ и красивомъ—мнѣ хочется затянуть побѣдный, торжественно-ликующій гимнъ, да только я „давлю“ эти рвущіеся наружу напѣвы... Засыпало меня обрывомъ—трудно выбратъся изъ подъ него.

Если бы ты зналъ, какъ шумно и какъ бурливо бѣжитъ у ногъ моихъ мутная рѣка, рѣка неправды и злобы людской! Рѣка вѣчной вражды. Вижу я въ ней знакомыя лица, улыбки, и такъ грустно и тѣсно становится мнѣ... Стою на берегу этой рѣки и чувствую, что подъ ногами подмываетъ, дрожь по тѣлу скачетъ страхъ и холодъ медленно ползетъ и стелется по немъ ..

Не могу писать дальше,—тронулъ я свой родникъ: онъ хлынетъ стремительно наружу и зальетъ меня... Мысли такъ толются къ наружнымъ дверямъ, къ выходу на свѣтъ, къ солнцу, что нѣтъ силъ ихъ удержать!.. Прощай. Хочу окончить.—Твой Л.

13 апрѣля.

Въ деревнѣ погуливаетъ скарлатина: много больныхъ, сегодня двое умерло. 13 душъ учащихся больны скарлатиною. Вчера былъ фельдшеръ—пріѣзжалъ безъ лѣкарствъ, такъ какъ таковыхъ нѣтъ въ больницѣ. Вотъ и помощь! Господи! Какая бѣднота и несчастье у крестьянъ. Больные есть цѣлыми семьями, много мретъ... грязно, душно; жрать нечего.. Болѣютъ, мрутъ, бьютъ казаки, долги на шеѣ... Неурожай, засуха; тьма, вражда, сварка... Адъ!..

Пишу въ земство о скарлатинѣ: требую медицинской помощи.

23 апрѣля.

Черезъ четыре дня созывъ Государственной Думы! нѣтъ даже клочка газеты. Тамъ, за стѣною, идетъ великая работа,—живое трепещущееся дѣло творится, а ты вотъ задыхайся въ этой глуши: нѣтъ газетки и не вѣдаешь, что творится на Руси... Это хуже тюрьмы!

24 апрѣля.

Утро встало во всей чистотѣ. Тихо. Мимо школы прошли крестьянки съ иконами, за ними хоругви, священникъ съ кропиломъ, пѣвчіе крестьяне.

Я вышелъ изъ школы и присталъ къ пѣвчимъ.

Воздухъ чистый и застылъ въ громадномъ, поднебесномъ пространствѣ; небо ясное, умытое.

Мы вышли изъ села и направились въ степь „святить царину“.

Прошли нѣсколько гоней и колѣнопреклоненно молили Господа о ниспосланіи на землю дождя. Встали, пошли дальше.

Черныя, худыя лица и взоры крестьянъ утомленно-моли-твенно поднялись къ высокому небу и нѣмая мольба неслась къ Богу, къ подножію Трона Его... Трепетомъ и жаждою наполнялась душа, когда разливалось по сухому полю: «Даждь дождь земли-и жа-аждущей, Спасе!»... Невольно думается: поможетъ ли это? къ Богу ли это? Такъ ли должно?!

Мы вапли ужь далеко,—стала прятаться деревня; я отсталъ отъ молящейся толпы и пошелъ обратно въ деревню.

Хлѣбъ носохъ—виды на урожай хлѣба плохіе. Я остановился и гляжу на толпу: всѣ стоятъ на колѣняхъ и кланяются до земли... встаютъ и движутся впередъ... Мнѣ становится грустно и я иду въ деревню. Изъ „царинны“ вернулись поздно. У колодца былъ приготовленъ обѣдъ. Вечеромъ встрѣчалъ пьяныхъ мужиковъ.

Будетъ ли дождь.?!

26 апрѣля.

Въ виду эпидеміи скарлатины школа закрыта. Ходили съ врачомъ по селу: много больныхъ.

10 мая.

А дождя все нѣтъ! Хлѣбъ сохнетъ на корню, сохнутъ и мужики, глядя на засуху. Толока вся выгорѣла! скотъ бродитъ голодный. Дома у мужика скотину кормить нечѣмъ, толока „гола“—что дѣлать мужику, у котораго нѣтъ ни хлѣба, ни половья—ничего? Нужда, рокошущая нужда!

Голодь, нужда, засуха и эпидемія скарлатины!

Сегодня *дѣвочки* ходятъ по селу и „собираютъ“ на второе молебствіе о дождѣ...

Мужики глядѣли и глядятъ на Думу, какъ на Спасителя. Какъ они просили Бога, чтобъ собралась таки Дума!.. „Хоть бы Дума собралась!“ говорили они. И какъ они съ любовью и съ довѣріемъ стали относиться ко всѣмъ борцамъ

за свободу, за землю, когда я сталъ имъ читать о первыхъ засѣданіяхъ Госуд. Думы. Сколько восторговъ вызывали въ нихъ эти громовыя рѣчи депутатовъ!

Вотъ теперь получилъ газету, гдѣ и прочелъ имъ, что членами Думы поднесенъ Государю отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, гдѣ народные представители требуютъ свободу, землю и амнистію.

Въ газетѣ сказано, что отвѣта еще не послѣдовало, предполагается „разгонъ Думы“. При этомъ извѣстіи мужики волнуются, бранятся и страшно негодуютъ. Звать, назрѣла у нихъ нужда и безконечно сви жаждутъ спасенія!.. Вѣры въ будущее у нихъ слишкомъ много. Въ случаѣ конфликта—эта могучая сила будетъ грозною для правительства...

12 мая

Дождь!!! дождь! По всему небу облака! вьется молнія, глушатъ раскаты грома! Дождь!.. Хорошій, длинный, крупный... долгій дождь! Рыбаку хорошій уловъ, а мужику хорошій дождь. Мужики оживутъ теперь. Какая сегодня радость! какой дорогой гость и господинъ!.. Дождь, дождь!

15 мая.

Сегодня хоронили старика. Послѣ дождика воздухъ увлажнился, слѣбалось прохладно и птички усиленно чирикаютъ. Къ толпѣ, идущей за гробомъ, присталь и я.

Шли улицей; проходили одинъ дворъ, гдѣ, опершись о муръ, тихо плакала и набожно осѣняла себя крестомъ старуха, которая ужъ отъ старости еле—еле передвигаетъ ногами. Плакала она какъ-то особенно. Я невольно заглядѣлся на нее и сталъ думать, отъ какихъ думъ плачетъ старуха. Плачетъ ли она, что не въ силахъ пристать къ толпѣ и пойти на кладбище, проводить покойничка, съ которымъ быть можетъ, въ дни юности и кохалась? Плачетъ ли о томъ что весна на дворѣ и что слѣдовало бы ему прежде покончить покосъ, уплатить подать, выдать замужъ доченьку, а тогда ужъ и въ могилу ложиться? Плакала ли она о томъ что и ей пора ужъ въ домовину, да что—то медлитъ смерть? Богъ вѣсть почему, отчего плакала старуха, но плакала она слишкомъ особенно..

17 мая.

Идетъ дождикъ. Какъ--то слишкомъ хорошо мнѣ. Читалъ крестьянамъ о Госуд. Думѣ. Всѣ интересуются: рады, что о нихъ говорятъ въ Думѣ, что лучшіе люди добиваются для нихъ земли и воли, словомъ желаютъ имъ добра. Проникаются они, что въ тюрьмахъ сидятъ тоже за нихъ и желаютъ тоже амнистіи для политическихъ.

5 июня.

Ходилъ сегодня въ степь, косятъ жито. Рожь хороша: высокая, густая; положило ее дождемъ, отчего и можно косить только въ одну сторону. Нынче урожай лучше прошлогодняго: дастъ 50—60 пудовъ. Вязать трудно; вяжутъ по 1 р. 50 коп.

Бреду я по нивѣ и здороваюсь съ крестьянами. Въ одномъ мѣстѣ встрѣчаю интересную картинку. Фургонъ, дышло продѣто сквозь колесо подъ угломъ въ 40° отъ земли, на немъ виситъ колыска, въ которой спитъ ребенокъ; на бочку ваобразлось душъ шесть „шпанки“. Подъ возомъ лежитъ собака и аппетитно дремлетъ.

Подхожу я къ нимъ и заговариваю,—дичатся, прячутся одна за другую.

Ребенокъ проснулся и начинаетъ хныкать. Мать, быстро связавъ снопы жита, садится и кормитъ ребенка, а отецъ коситъ и сбрасываетъ для матери жито.

Вотъ поди сюда, да поработай подъ этимъ горячимъ солнцемъ, въ пыли, повяжи-ка снопы въ этотъ долгій лѣтній день!.. при плохой пищѣ, поспи-ка короткую ночь; да покорми-ка сухою грудью ребенка—собери, продай хлѣбъ и отдай подати, отдай, кровью добытые гроши...

7 июня.

Живу на рѣкѣ,—гошу у коллеги. Катался на лодкѣ. Хорошо. Прошли вверхъ два парохода. Возвращаясь съ прогулки, повстрѣчался въ двумя крестьянами, которые звали меня къ сапожнику. Я пошелъ. Вхожу: сидятъ душъ пять крестьянъ и читаютъ газ. „Наша жизнь“. Я здороваюсь. Они просятъ объяснить имъ что такое „агитаторъ“, „черносотенецъ“. Я объясняю. Слово „черносотенецъ“ они понимали „моль, нашъ черный братъ... всѣ мы черносотен-

цы"! Я ихъ разувѣрилъ въ ложномъ понятіи и далъ настоящее освѣщеніе этому имени. Крестьяне жалуются, что писано непонятно. Когда я уходилъ, они просили „зайти еще“. Я обѣщалъ.

10 іюня.

Встаю съ разсвѣтомъ, беру полотенце и иду черезъ садъ къ рѣкѣ, гдѣ думаю купаться. Вхожу въ садъ и вижу:—Мотъка (еврей-арендаторъ сада) лопатою придавилъ къ землѣ ужа и зоветъ меня на помощь. Я бѣгу за бутылкою и послѣ, долгихъ усилій, загоняемъ ужа въ бутылку. Во время этой процедуры къ намъ подходитъ съ вилами кучеръ Степанъ, широкая, рыжая борода, который шелъ собрать въ копицы скошенное въ саду сѣно, съ пилою въ рукахъ садовникъ. Всѣ мы располагаемся подъ орѣхомъ и тихо, діалогами, журчатъ рассказы.

Иногда изъ кармана вылазитъ газета и читается о Думѣ... Солнышко припекаетъ, мы перемѣняемъ мѣсто и снова бесѣда бѣжитъ по своему руслу... Проходить мимо сада, пронзительно свистя, пароходъ—время обѣдать. Мы поднимаемся и направляемся къ выходу изъ сада, но тутъ еще задерживаемся на нѣсколько минутъ, продолжая разговоръ, и, не окончивъ, расходимся по столамъ...

12 іюня.

Въ 6 вечера поѣхали удить рыбу. Стали подъ деревною-клевь хорошій. На берегу славная группа,—три дѣвочки-подростка удятъ рыбешку. Всѣ вошли въ воду новыше колѣнъ и, стоя въ водѣ, ловятъ рыбу; одна изъ нихъ совершенно голая и сосредоточенно слѣдитъ за поплавкамъ, другая держитъ лѣвой рукою груднаго ребенка, правую удилице и слѣдитъ за поплавкомъ. Чудная картинка!..

Я заговариваю съ ними, тѣ смѣются и не отрываются отъ поплавка!

Снимаемся, ѣдемъ ко двору; на поворотѣ стоитъ на камнѣ въ водѣ дѣвченка лѣтъ 9—10 и купаетъ связанныхъ квочекъ. Уморительная картинка! Дѣвочка беретъ квочку за крыло, размахиваетъ ею въ воздухъ и забрасываетъ подальше отъ берега, та рвется на берегъ, а дѣвочка хлопаетъ на нее водою. Я, смѣясь, пререстаю грести и слѣжу за купаніемъ квочекъ.

— Утопишь ихъ, дѣвочка! кричу я ей

Та что-то говоритъ, но я не могу разобрать и опять повторяю свои слова.

— Клопыть великій! кричить та, сооривъ уморительную рожу, и еще дальше прежняго забрасываетъ еле живую квочку.

13 юня.

Экономическіе служащіе—ужасные политики: найдуть гдѣ газету и усаживаютъ меня—изволь ко имъ читать. Сегодня гдѣ-то раздобыли двѣ черносотенныхъ газеты: „День“ Московская, и „За Царя и отечество“ Одесская. Какое грязное провокаторство! Сколько грубости, лжи, грязи въ этихъ газетахъ! Все сваливаютъ на „жидовъ“: волнуютъ народъ. Мы критикуемъ газеты—и все противъ нихъ. Слушатели просятъ не читать и жалѣютъ, что сегодня нѣтъ хорошей газеты, такъ что и нѣтъ чего послушать. Я нахожу нужнымъ иногда прочесть и черносотенную газету и тутъ же доказать, что это ложь. Вѣдь не могъ же я не прочесть „День“ и „За Царя и отечество“! А когда только началъ читать, то малочисленная, но либеральная, аудиторія вполнѣ поняла, что это провокаторство только. И вышло, газета оказалась сама, какова она!..

14—15 юня.

Катались и сегодня. Спорили о политикѣ. Читаю много книгъ. Собралъ и сушу гербарій, собираю коллекцію бабочекъ Тянетъ въ свою деревушку.

24 юня.

Вчера ввечеру катался на лодкѣ. Было и тихо и знойно, потъ заливала всего; было душно, жгло,—хотѣлось броситься въ воду. Надъ головою густо и грозно смыкались тучи. Сначала нерѣшительно, отрывисто, и вдругъ громко, безпрерывно, грянулъ громъ! Въ степи шла стѣна чернаго дождя. Я повернулъ лодку, выѣхалъ на середину рѣки и опустилъ весла: я ждалъ дождя! Туча съ дождемъ шагала быстро и готовилась перешагнуть меня.

Въ сторонѣ, вижу, плыветъ женская головка. Всмотрѣнаюсь, кажется, Маня,—первая на селѣ красавица. Оригинальная встрѣча. Я налегаю на весла. Вотъ и она. Она дѣй-

ствительно хороша, особенно здѣсь и сейчасъ, передъ грозой... Я заговариваю...

Еще шагъ и каскады капель грозового дождя обдають меня. Неохотнѣо берусь за весла и гоню лодку отъ Маниной головки. Маня медленно вммахиваетъ бѣлыми, красивыми руками: она плыветъ на середину рѣки. Она побѣдила меня!).

Я тоскливо, тяжело ложусь на весла. Дождь злобно хлещетъ меня. Еще одинъ гребокъ и лодка—у мостика. Подхожу къ цѣпи и привязываю лодку. Дождь бросилъ на меня нѣсколько капель и зашагалъ уже за рѣкою... Я молча всхожу на мостикъ и печально гляжу на рѣку... Ея головка чернѣется маленькою точкою...

Еще нѣсколько минутъ и пропадаю въ аллею сада...

28 июня.

Вотъ третій день идутъ изъ Х. пароходы, переполненные евреями. Завтра ожидается погромъ. Бѣдный людъ!..

Я гошу у коллеги, отецъ котораго служитъ въ экономіи помѣщицы генеральши К. Последняя сейчасъ въ Петербургѣ. Сюда она прѣзжала каждое лѣто, но въ прошломъ году ея гнѣздышко разорили: сожгли домъ, поломали мебель и т. п. Сейчасъ красуются одни только развалины.

3 июля.

Я вновь въ своей пѣколѣ. Тишь святая, отдыхъ души; тѣломъ и душою врачуюсь. Какъ радъ, что я наконецъ въ своей тихой кельѣ!

Деревня обновилась, приняла нарядный видъ: скирды скошеннаго хлѣба, гармановка. Что-то живое, бодрое, большая живая волна перекатилась по мужицкимъ дворамъ.

Видѣлъ въ поле, накладывалъ на арбу хлѣбъ,— работа ужасно трудная: еле набросалъ, да и то получилъ пять мозолей и весь былъ мокрый. Бѣдный и честный крестьянинъ-труженикъ, какъ ты только работаешь и не плачешься на эту столь трудную работу!?

13 июля.

Второй день дожди, не даетъ возможности гармоновать, мужики угрюмы, злы, бранятся. Хлѣбъ еще и отъ прошлыхъ дождей погнилъ, проросъ и почернѣлъ, а теперь еще мочить,— последнее забираетъ. Мужики въ горѣ, огрустно те-

перь съ ними говорить.—Вѣра въ Думу у нихъ прошла: отъ ней не ждутъ ровно ничего!..

15 июля.

Газета сегодня у меня. Дума распущена... Распущена Дума! Что-то великое, грозное, туманно-зловѣщее содѣялось 9-го июля... Дума... въ три шеи!.. Такъ волнуешь, такъ грустно,—писать не могу. Ошеломлень я, мужики также поражены...

Собралась и нависла громадная, дождевая туча!.. Рѣзала молнія, рокотали раскаты грома! и вдругъ—все умолкло: туча исчезла... Дождь не пролилъ!.. Прояснится ли? Или на смѣну явится еще грознѣе, съ раскатами глушащими людей, туча—богатырь!? Будущее! Одно только грядущее будущее придетъ и громко скажетъ приговоръ свой!.. И мы, готоваясь, на сторожѣ, на чеку—ждемъ и будемъ ждать.

25 июля.

По заходѣ солнца съ писаремъ, у каждаго по ружью, пошли въ степь версты за три отъ села къ образовавшемуся отъ дождя озеру, гдѣ, по разсказамъ баштанниковъ, есть утки.

Было тихо и темно; въ воздухѣ носились степные звуки. Случалось, что изъ подъ самыхъ ногъ вспархивала сонная перепелка.

Идти было весело; воздухъ вдыхаешь всею грудью.

Изъ густой драпировки мрачныхъ тучъ съ трудомъ и видимымъ усиленіемъ сталъ показываться мѣсяцъ и желтыми лентами опоясывалъ тьму ночи...

Подожли къ озеру. Шаги тише, пригнулись къ землѣ, ползкомъ полземъ.

У края озера стоитъ копица ячменя, что и послужило для насъ удобною засѣдкой. Усѣвшись, какъ можно только усѣсться на копичкѣ ячменя, завели мы рѣчь объ охотѣ, о дичи и т. п. вещахъ, такъ или иначе относящихся къ охотѣ.

А утокъ—нѣтъ, какъ нѣтъ! Озеро стало усыхать и утки уже не садились, такъ какъ онѣ летятъ только на свѣжую воду.

Мы закурили и сосредоточенно молчимъ. Накатывается дремота, которая шаловливо покрываетъ весь организмъ тя-

желымъ листомъ. Съ большимъ апиетигомъ проспали мы всю-
ночь на копичкѣхъ подъ открытымъ небомъ, на свѣжемъ ноч-
номъ воздухѣ. На утро, но за гарманами, пришли домой и
долго смѣялись надъ принесенною дичью!..

29 июля.

Гурьбою дѣтишки приходятъ и просятъ цвѣтовъ: 1-го
Августа будетъ Маковѣя, —идутъ въ церковь, гдѣ будутъ
святить макъ, подсолнухи. Я награждаю ихъ чернобрывцами
и подсолнухами.

Послѣ обѣда ѣздили въ степь съ сосѣдомъ косить ота-
ву, прошелъ днѣ ручки, —трудно косить!

Настилалъ у сосѣда гарманъ и стоялъ на доскѣ.

2 августа.

Былъ на сходкѣ, хлѣпочу, чтобы сдѣлали ремонтъ школы.
Дѣло „клеится“.

Эхъ! дѣла, матушка Русь! Бѣдна, бѣдна ты сторонуш-
ка, —тъма какъ въ трубѣ кирпичнаго завода. Тьма-то чер-
ная, да толстая.

Въ расправу прислали „манифестъ“ о землицѣхъ—да чи-
тать-то въ деревнѣ никто у насъ не гораздъ!..

Дѣла-то, Господи!..

11 сентября.

Сегодня отслуженъ въ школѣ молебень, —положительно
всѣ, цѣлуя крестъ, цѣлуютъ руку священника.

12 сентября.

Занятія начались. Съ Богомъ! Дѣтишки явились весе-
лыми, бодренькими! Многимъ отказано въ приѣмѣ, —нѣтъ
мѣстъ. Погода скверная, —большой дождь, вѣтеръ и къ ве-
черу пошелъ снѣгъ, —рано къ намъ пожаловалъ бѣлый
гость!..

15 сентября.

Отослалъ домой четверыхъ маленькихъ, —тѣсно. Отка-
зали въ приѣмѣ троимъ. Мужики волнуются, просятъ при-
нять. Предложилъ старостѣ сдѣлать три школьныхъ парты
и тогда приму 16 душъ.

17 сентября,

На первомъ урокѣ показывалъ дѣтямъ зачучелованныхъ
птицъ, —восторгамъ не было конца. Приводили дѣтей запи-

сывать—отказываю. На урокѣ ариеметики во II и III отдѣленіяхъ упражнялъ дѣтей въ сдачѣ денегъ,—даю имъ деньги, покупаю что-либо, сосчитываемъ, предлагаю ему серебряную монету и требую дать сдачи,—прекрасное наглядное пособие.

Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ существуютъ тетради одного типа, № 6—по одной линейкѣ; у каждого учащагося находится только одна тетрадь, на которой онъ и выполняетъ всѣ письменныя работы, дѣлая ежедневно заголовокъ „Работы такого то числа“.

Дѣтямъ предоставляется полная свобода въ письмѣ, такъ какъ передъ каждымъ тетрадь по одной линейкѣ, —наклонъ и размѣръ письма предоставляется выбирать каждому по своему. Вѣдь это трудно для ребенка съ перваго раза помѣстить букву въ опредѣленной клѣткѣ и извѣстномъ наклонѣ,—предоставимъ это дѣтямъ.

Я требую отъ перваковъ не красоты, а хоть мало мальски правильнаго изображенія буквъ: когда тотъ научится правильно изображать, тогда только онъ сможетъ выработывать красоту почерка, какую только можетъ достичь. Самостоятельность и свобода сдѣлаютъ свое дѣло лучше, легче и скорѣе, нежели наше мертвое принужденіе, тѣсныя рамки.

20 сентября.

Приходила больная баба—снабдилъ хининомъ; Шеремету „залилъ“ глаза, ученицѣ далъ мази отъ чесотки. Вечеромъ пришла ученица и просила меня къ мамѣ, которая лежитъ въ постели и у которой болятъ зубы. Захвативъ съ собою капли Маевского (отъ зубной боли) и фонарь, отправился къ больной. Картина, извѣстная каждому, представилась моимъ глазамъ, когда вошелъ въ избу,—въ постели плачущая мать, на печкѣ худенькіе дѣти, на лавкѣ пьяный мужъ...

22 сентября.

Ходилъ послѣ уроковъ къ больной зубами—помогло. Приходила Трофимиха, у которой сынъ заболѣлъ,—далъ хинина, для массажа—скипидаръ. Ходилъ въ расправу. Годовая сходка. Окончился срокъ найма квартиры подъ „сельское управленіе“ и срокъ почтарю,—стали сходомъ нанимать другого почтарю и хату подъ расправу. Предъ этимъ былъ

прочитанъ указъ генераль-губернатора, гдѣ, между прочимъ, сказано и объ оскорбленіи начальства во время присутствія. Почтарь, онъ же и владѣлецъ расправы—хаты, выслушалъ, вмѣстѣ съ другими, снокойнымъ образомъ извѣщеніе о военно-полевыхъ судахъ и какъ только дѣло коснулось его интересовъ, развернулся во всю ширь и мощь народной ругни, набросился на старосту, „облааялъ“ его, какъ ему хотѣлось, потомъ накинулся на сходъ и сталъ грозно кричать, — „Вонъ изъ моей хаты!.. Вонъ!“ Староста волнуется, натягиваетъ на шею знакъ, проситъ взять его въ холодную, — тотъ еще пуще разъярился, но тутъ вбѣгаетъ его жінка и тузитъ чоловіка качалкою по спинѣ. Въ концѣ концовъ все уладилось, — почтаремъ остался все тотъ же Максимъ.

Такова-то расправа и сходка у мужика; — у насъ чуть ли не на каждой сходкѣ бранятся, а ужъ крику-то—сколько душенькѣ твоей угодно!..

26 сентября.

Читалъ дѣтямъ „Дѣдушка Мазай“ Некрасова и „Сторожь“ Тургенева; чтеніе произвело на слушателей большое впечатлѣніе.

Вечеромъ пришелъ писарь и рассказалъ вотъ что. Утромъ пріѣхалъ къ намъ участковый приставъ съ управляющимъ экономіею К.; оба ладно подвыпили и стали требовать старосту, но тотъ сегодня въ городѣ. Потребовалъ приставъ писаря. Тотъ явился и озвѣрѣлый приставъ накинулся съ бранью на писаря, тыкая и стуча кулачищемъ о крышку стола... „Собрать всѣ деньги. Черезъ недѣлю прибуду къ вамъ, мерзавцы, съ казаками. Перепорю всѣхъ, перваго старосту, второго тебя. Смотрите мнѣ“!..

Мои мужики грабили помѣщика К. и теперь съ нихъ требуютъ деньги.

Я совѣтую ѣхать къ губернатору.

28 сентября.

На дняхъ изъ управы былъ полученъ циркуляръ, по которому предлагалось высказаться учащимъ, каковы книги желательно имѣть въ учительской библіотекѣ.

На этотъ циркуляръ я пишу слѣдующее.

«Въ 1903 г. на областной выставкѣ Сѣвернаго края школьная коммисія Ярославскаго губернскаго земства представила весьма интересную

діаграмму, которая показывала, какія періодическія изданія циркулировали среди учащихся народныхъ школъ Ярославской губерніи въ 1903 г., гдѣ бросалось въ глаза, что учащіе земскихъ школъ выписываютъ почти всѣ (94,8⁰/о) какое-либо періодическое изданіе, причиною чего послужило пособие—каждому учащему по 5 руб.—на выписку періодическихъ изданій отъ губернскаго земства, которое ассигнуетъ на этотъ предметъ по 200 руб. ежегодно («Вѣстникъ воспитанія» Мартъ 1904 г.).

Весьма отрадное явленіе! Извѣстно ли нашему земству—какія періодическія изданія находятъ приютъ въ учительской семьѣ N уѣзда?! Не послѣдуетъ ли оно столь симпатичному примѣру? Еще въ прошломъ году я писалъ въ управу—что необходимо имѣть при школѣ книги и для учителя, которыя могли бы расширить рамки способностей, любви къ дѣлу въ учителѣ!.. тогда только школа сможетъ стать на высотѣ знамени народнаго образованія,—только тогда она сможетъ легко прогрессировать къ желанной цѣли... Не только снабжать учебниками школу, а скорѣй и важнѣй, я думаю, надо снабжать учащаго, который есть душа школы,—а если эта душа бодрa, живуча, отзывчива,—то ея, такъ сказать, «кровообращеніе» сольется съ кровообращеніемъ учащихся и выработаетъ изъ крови венозной—кровь чистую!.. Если же учитель голоденъ физически и умственно, то не мудрено, что онъ дѣлается инвалидомъ, которому нужно сходить со сцены!.. Учащему, впервые идущему на эту работу, къ этой наковальцѣ, не надо давать возможности сходить съума, дѣлаться алкоголикомъ, становиться инвалидомъ.

До тѣхъ поръ школа не будетъ нормальной,—покуда не накормятъ учителя!.. Сытый работаетъ лучше и охотнѣе!.. Быть можетъ, этому здѣсь не мѣсто, но ввиду переживаемаго времени взываю за всю братію къ земству, которое стремится къ прогрессу и котораго святой долгъ—ратовать за учителя, братская могила котораго ужъ слишкомъ велика!..

Повторяю, что покуда учитель не будетъ сытъ физически и умственно, до тѣхъ и школа будетъ не нормальна».

Послѣ этого вступленія перечисляю книги, кои желательно имѣть въ учительской библіотекѣ и кои будутъ въ ней, навѣрное, лѣтъ черезъ 20, если не больше.

29 сентября.

Немного нездоровится. Все же бодрюсь. Устроилъ флюгеръ,—вырѣзалъ рыбу, вставилъ въ прутья и придѣлалъ на крышѣ; вывѣсиваемъ градусникъ,—измѣряемъ температуру воздуха. Наблюденіе произвожу съ учащимися старшихъ отдѣленій.

Изъ города возвратился староста съ писаремъ и привезли результатъ,—приставъ не имѣеть права „касаться до общества“. Исправникъ сообщаетъ нарочнымъ приставу, чтобы тотъ немного поуѣдрилъ свой пылъ!..

Вечеромъ въ школу собрались учащиеся; я прочелъ имъ „Котъ въ сапогахъ“ и показывалъ туманныя картины, относящіяся къ сказкѣ. Фонарь хорошъ, пластинки также. Вечеръ прошелъ оживленно.

13 октября.

Дѣти, по рассказамъ сторожа, приносятъ съ собою на завтракъ хлѣбъ, соль,—хлѣбъ солятъ, ѣдятъ и запиваютъ водою; халва—это уже роскошь и бываетъ она у 2—3 учащихся.

Отецъ одного учащагося рассказывалъ о своемъ сынѣ. „Прибѣжитъ мой Петрушка изъ школы и сейчасъ за книжку. Ходитъ и бурчить. Мы со старухою въ кухнѣ, а онъ въ комнатѣ,—все ходитъ да мурлычить, намъ радостно, хочется послушать и входимъ къ нему, а онъ отъ насъ бѣжитъ въ кухню. Наговорили ему бабы, что когда читаешь, что нельзя ѣсть, и когда ложишься, книгу надо класть подъ подушку,—и мой Петя все это дѣлаетъ, такъ вѣритъ всему этому. Задачу, глядишь, это рѣшаетъ, рѣшаетъ и ни какъ не осилить ее,—тогда приходитъ къ нему на помощь бабушка. Утромъ хлебнетъ вчерашняго холоднаго чайку, сунетъ въ карманъ кусокъ хлѣба и маршъ въ классъ. А какъ походилъ въ школу нашъ Петя, сталъ учить насъ правильно молитвы читать“.

Сейчасъ собралось ко мнѣ душъ шесть мужиковъ,—испили чайку и толкуемъ о хлѣбцѣ, о политикѣ. Жалуются, что всю осень дожда нѣтъ; говорятъ, что если не будетъ дождя съ недѣлю—пропадетъ озимый хлѣбъ. Пойди дождикъ, земля сравнялась бы, а то во время зимы земля „закоружлится“ и хлѣбъ пропадетъ.

Теперь о школѣ. Вчера во II отд. выбирали для заучиванія наизусть стихотвореніе; дѣти кричатъ „Конь“, „Конь будемъ учить“—я согласился и мы разобрали это стихотвореніе. Я на сторонѣ свободы въ выборѣ стихотвореній самими дѣтьми.

Въ деревнѣ бѣднота, а учитель исполняетъ роль лавочника,—долженъ продавать дѣтямъ книги и письменныя

принадлежности, и ежемѣсячно отсылать въ управу отчетъ. Это, слишкомъ большое мѣсто у насъ: у крестьянъ нѣтъ денегъ, а дѣти не приносятъ учителю,—послѣдному приходится или исключать ученика, или же приплачивать свои деньги. Сидитъ ученикъ безъ тетради, денегъ нѣтъ и скоро не будетъ, и приходится давать ему тетрадь и проч. „такъ“. Особенно бѣда съ учебниками: изъ-за учебниковъ, изъ-за того, что не на что купить книгъ, много учащихся оставляетъ училище, и преимущественно дѣти старшихъ отдѣленій, такъ какъ тамъ учебники стоятъ больше рубля. Крестьяне платятъ большія подати, даютъ каждый годъ на содержаніе школы 150 рублей, доставляютъ бесплатную для отопленія школы купленную на сторонѣ солому—и еще съ нихъ берутъ за письменныя принадлежности и учебники.

Не пришла ли пора—сдѣлать обученіе бесплатнымъ!?

Наша школа существуетъ 7 лѣтъ и со времени ея открытія къ школѣ пристала собака „Рудько“;—онъ теперь старъ, и всѣ уроки лежитъ въ классной комнатѣ; учащіеся его любятъ, ласкаютъ стараго „Рудько“ и кормятъ своимъ хлѣбомъ.

Во время уроковъ приходятъ къ намъ въ школу маленькія дѣти и слушаютъ, что мы дѣлаемъ.

Дѣти—школьники притащили для чучелованія ежа.

Утромъ пришла баба съ больными глазами, „закапала“ капли. Ученица зашла съ красной опухолью на рукѣ, — смазала ее іодомъ. Съ дѣвочкою пришла и мать съ больными зубами, къ нимъ приложилъ вату пропитанную каплями Мавескаго,—послѣднія дѣйствуютъ отъ зубной боли замѣчательно хорошо. Вечеромъ приходилъ мужикъ съ больными глазами, которые у него болятъ уже цѣлый мѣсяцъ. Говоритъ больной, что поднодамъ не ситтъ, ходитъ все по двору; баба даже водкою заливала, но нѣтъ „послабленія“. Я впустилъ въ глаза капель и велѣлъ ему придти еще, а дома глаза промывать крѣпкимъ настоемъ чая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Черекати-Поле.

Стихотворенія.

1. Призывъ.

Сердце ноетъ и рвется до боли, **ПР!**
Какъ смотрю я на тьму деревень;
И срывается съ устъ поневоля!
Да когда же настанетъ въ нихъ день?..

Мало душъ, что трудятся для блага;
Мало любящихъ, пылкихъ сердець:
Будто вся въ нихъ погибла отвага,
Будто давить терновый вѣнецъ.
Выходите же, души живыя,
На работу на нивѣ людей:
Засѣвайте сердца молодыя
Словомъ чистыхъ, великихъ идей!

2. Могила.

Чья могила сиротою
Безъ креста стоитъ,
И объятый вѣчно тьмою
Чей тутъ прахъ лежитъ?

Чья жена на ту могилу
Горько слезы льетъ,
И частенько черезъ-силу
Къ ней она бредетъ?

Чьи малютки къ ней порою
Ходятъ на поклонъ,
И звучитъ всегда тоскою
Голосовъ ихъ звонъ?

Кто схороненъ, чья могила—
Надпись не гласитъ.
Вѣтеръ лишь поетъ уныло:
«Здѣсь учитель спитъ»

Учительскіе силуэты.

І. ЗУБОТЕСОВЪ.

Фамилія его была ^{что} Зуботесовъ. Это былъ осклизлый мужчина, слюнявый, грязноватый... Голосъ имѣлъ онъ плачущій, съ чуть замѣтной трещинкой...

Милостію неба и всеблагаго начальства Зуботесовъ тридцать пять лѣтъ отбарабанилъ въ должности народнаго учителя и тянетъ эту канитель до сихъ поръ. Весь свой умственный багажъ онъ получилъ въ давнопрошедшія времена на педагогическихъ курсахъ при городскомъ училищѣ и больше за все время учительства ничего не читалъ кромѣ Комаровскаго «Свѣта». Правда, была разъ промашка, — но она вѣдь бываетъ даже на легендарную «Машку».

Соблазнилъ Зуботесова сосѣдь-учитель почитать Гайдебуровскую «Недѣлю», но Зуботесовъ до сихъ поръ вспоминаетъ съ ужасомъ объ этой своей бирометчивости... Дѣло въ томъ, что подписчика «Недѣли» скоро перевели въ другую школу и сдѣлали хорошій нагоняй, прибавивъ при этомъ: „Вы читаете «Недѣльные» статьи и выносите изъ нихъ «недѣльные» мысли“. Но Зуботесова Богъ невидимо хранилъ и никому даже въ голову не пришло заподозрить, что и онъ, Зуботесовъ, чуть было не нахватался «недѣльных» мыслей изъ «Недѣльных» статей.

Странное впечатлѣніе производила эта рабья фигура среди учительской молодежи, бросившей считать подхалимство и долготерпѣніе добродѣтелями. Зуботесовъ весь былъ безпредметный трепеть, а тѣ смѣло и громко заявляли о своихъ правахъ и нуждахъ. Ему дико было слышать, какъ на учительскихъ собраніяхъ какая-нибудь молоденькая учительница

(желторотая дѣвченка —мысленно ругался Зуботесовъ) рѣжется даже съ самимъ господиномъ инспекторомъ о школьныхъ дѣлахъ. Когда къ нему изъ приличія обращались, какъ къ самому старому учителю, съ вопросомъ, то ошеломленный Зуботесовъ ощущалъ лишь сухость во рту и видѣлъ улыбки молодежи, но сказать ничего не могъ. Его ободряли, просили, а онъ виновато одергивалъ сюртучекъ, покашливалъ и растерянно улыбался.. Говорить же не говорилъ...

— Чертъ знаетъ!—возмутился либеральный земскій начальникъ въ бесѣдѣ съ инспекторомъ. Вашъ Зуботесовъ развалина какая-то, да и дуракъ, должно быть, непроходимый! И къ чему по нынѣшнимъ временамъ такихъ держать?

— Но вѣдь тридцать пять лѣтъ,—пробовалъ оправдываться инспекторъ.

— Что Вы мнѣ тридцать то пять лѣтъ суете?—горячился либераль. Былъ ли онъ хоть одинъ годъ настоящимъ работникомъ? Экая важность, подумаешь, тридцать пять лѣтъ... Нашли чѣмъ запугать! Камень лежитъ и дольше—только не трогай... Какъ по конспекту я расскажу Вамъ всю службу этого, съ позволенія сказать, «дѣятеля». Въ началѣ учительство дали ему за наимѣнѣе болѣе подходящихъ людей, а потомъ уже только *терпѣли*. Смирный де человекъ,--воды не замутишь, мухи не обидить... Да и дѣла-то вѣдь онъ не сдѣлаетъ! Нужны же работники, а не такіе развалившіеся пидюты, или нѣтъ? Зуботесова все терпятъ, все терпятъ, и то въ лучшей школѣ уѣзда—хороша рекомендація постановки народнаго образованія—ничего сказать! (Земскій начальникъ засмѣялся продолжительно и ехидно). . На смѣху онъ у всѣхъ учителей, а съ нимъ и Вы, г.г. администраторы. . добавилъ онъ, оставившись отъ смѣха.

— Что дѣлать, что дѣлать,—качалъ головой инспекторъ, а уволить его нельзя. Конечно, Зуботесовъ пороку не выдумаетъ, обезьяну тоже, а уволить его нельзя. Нужный онъ человекъ, нужный..

Учительская молодежь сильно подозрѣвала старика кой въ чемъ, но самъ онъ былъ такъ жалокъ, такъ гадокъ, что серьезно сразсѣдовать ни у кого не хватало охоты. Относились всѣ къ Зуботесову съ презрительнымъ равнодушіемъ, а до него это точно бы не касалось. Жилъ онъ тихо, мирно,

пожалуй, счастливо... «Чего еще мнѣ надо, говаривалъ онъ часто своимъ плачущимъ съ чуть замѣтной трещинкой голосомъ. Всѣмъ отъ Господа Бога взысканъ. Отъ первой жены дѣтки взрощены, начальство меня любитъ, вторая жена тоже».

Второй разъ Зуботесовъ женился, когда дѣти отъ первой жены уже были взрослыми, а жениться на старости лѣтъ приказала неумолимая судьба въ лицѣ поповны. Эта дѣва, зрѣлая во всѣхъ отношеніяхъ, соскучилась невольнымъ обѣтомъ дѣвства и захотѣла стать матерью. А такъ какъ для осуществленія столь полезной для родины идеи необходимъ бракъ, то и пришлось Зуботесову второй разъ играть роль жениха. Въ переживаніяхъ медоваго мѣсяца Зуботесовъ какъ будто даже попріожилъ. Онъ немного попривыпрямился и сталъ смѣлѣе смотрѣть на бѣлый свѣтъ. Жена ему попала бой-баба. Она живо дала понять сыновьямъ отъ первой жены, что они здѣсь лишніе даже на каникулахъ, и молодые люди уѣхали, чтобы уже никогда не возвращаться.

Въ награду за супружескую любовь «молодая» учительша нарожала за три года трехъ дѣвочекъ... Правда, были на селѣ злые языки, которые утверждали, что дѣвочки подозрительно похожи не на Зуботесова, а на кого-то другого, но гдѣ же нѣтъ злыхъ языковъ, и стоить ли обращать вниманіе на всѣ сплетки? Вы только посмотрите, какой миръ и счастье въ семьѣ Зуботесова... «Папочка, не хочешь ли, милый, перцовочки; — я и рыжиковъ принесу. — Папочка, не хочешь ли вотъ эту пышечку», — подчивала Зуботесова своего супруга... «Мамочка, скушай вотъ варенья съ моей ложечки», вторилъ ей самъ Зуботесовъ. «Мамочка, не угодно ли я тебѣ сахарку нациплю» и т. д. и т. д. обмѣнивались супруги любезностями...

Случайному гостю при такихъ буколическихъ изліяніяхъ вначалѣ было очень смѣшно: такъ и казалось, что воскресли незабвенные гоголевскіе старички. За то потомъ становилось все гаже и гаже и гость уходилъ отъ господъ Зуботесовыхъ точно послѣ приѣма большой дозы касторки...

Однако счастливые супруги продолжали держать себя при постороннихъ все также любовно до приторности.

Телячье счастье супруговъ только одинъ разъ чуть было не нарушилось, и то ужъ за послѣднее время... Дѣло въ томъ, что школу, гдѣ служилъ Зуботесовъ, рѣшено было преобразовать въ двухклассную и дирекція устыдилась было на мгно-

веніе оставить въ такой школѣ развалину Зуботесова. Инспекторъ вызвалъ его къ себѣ и дружески и ласково предложилъ переводку въ другое училище. Зуботесовъ, какъ стоялъ (а присаживаться онъ не смѣлъ въ кабинетъ начальника, не смотря на приглашеніе), такъ и окаменѣлъ. Слезы быстро, быстро покатались съ глазъ и самъ онъ завсхлипывалъ и зашвыркалъ носомъ.

Инспекторъ взволнованно забѣгалъ по кабинету и, какъ могъ, утѣшалъ старика. «Помилуйте, говорилъ онъ, да что Вы теряете? Тамъ школа тоже двухклассная и вы еще лучше заживете. И огородъ, и ичельникъ и садикъ—все тамъ есть, и а здѣсь что? Здѣсь пустырь одинъ—вотъ и нужны на ну-стырь-то молодые работники... Намъ теперь и отдохнуть можно».

— Жена, дѣти... привыкъ... пощадите... бормоталъ Зуботесовъ. Отъ города ближе..

— Ну, ладно,—рѣшилъ инспекторъ. Я сейчасъ съѣзжу къ директору, а вы вечеркомъ зайдите ко мнѣ... Что онъ скажетъ—тому и быть...

— Ради Бога,—похлопочите,—и Зуботесовъ опустился передъ инспекторомъ на колѣни...

Тотъ вспыхнулъ было отъ неожиданности, но видя убитую фигуру учителя промолчалъ и брезгливо поморщился... Въ кабинетъ ихъ было только двое...

Директоръ уважилъ просьбу инспектора. «Колѣнъ бѣлугой взвѣль изъ за переводки, то отслужить и намъ», рѣшилъ онъ, и Зуботесовская семейка осталась на своемъ насиженномъ мѣстѣ...

Въ тайникахъ своей гнилой душонки Зуботесовъ теперь гордился своимъ положеніемъ завѣдывающаго двухкласснымъ училищемъ. Онъ уже вообразилъ себя начальствомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ въ свои подчиненные другихъ учителей...

— Вотъ вѣдь Богъ-отъ!—нѣтъ,—онъ не забываетъ, кто его святое имя призываетъ,—рапортовала Зуботесова деревенскимъ кумушкамъ. Говорили, что мой худо учить, да старъ... Ань, нѣтъ! Начальство-то больше знаетъ! Вишь, моего-то за главного поставили, а потомъ еще ему въ помощники двоихъ пригонять... Ой, хоть бы не изъ безбожниковъ попались-то, не изъ забастовщиковъ-то изъ этихъ,—сокрушенно вздыхала почтенная учительша своей истинно русской грудью...

— и! Кумушки чувствовали инстинктивно, что фонды Зуботесовыхъ у начальства поднялись и окрѣпли, хотя не понимали въ какомъ смыслѣ. Они съ восхищеніемъ слушали разглагольствовавшихъ обоихъ супруговъ и старались радоваться ихъ радостью. О поклонѣ инспектору Зуботесовъ благоразумно умолчалъ даже передъ своей дражайшей половиной. Теперь за то они принялись пресерьезно обсуждать тактику будущаго завѣдующаго по отношенію къ своимъ подчиненнымъ... Словоохотливыя кумушки приводили массу случаевъ неуваженія нынѣшными учителями то батюшки, то какого-нибудь мѣстнаго воротила. Самъ Зуботесовъ питалъ глухую ненависть къ молодымъ учителямъ, видя полное равнодушіе тѣхъ къ своей особѣ. Теперь эти бабы сплетни больно отзывались въ его сердцѣ. Жилъ онъ прежде спокойно и никто въ его дѣло не вмѣшивался, а новички-то вѣроятно будутъ совать всюду свои непрошенные носы.

Съ молодежью раньше былъ Зуботесовъ знакомъ или по слухамъ, или шапочно, такъ какъ видѣть на работѣ ихъ старику - учителю нигдѣ не приводилось. А теперь приходится работать и работать вмѣстѣ. Съумѣеть ли онъ заставить уважать себя, какъ опытнаго учителя? Яловитые вопросы въ этомъ родѣ назойливо сверлили старческій мозгъ и требовали неотложнаго отвѣта.

Время между тѣмъ шло къ осени. Все ближе и ближе становился день открытія второго класса. Были посланы для него и учебныя пособія и даже мебель для обстановки учительскихъ квартиръ, не ѣхали только сами учителя... Мужики уже стали навѣдываться въ школу съ ребятами и справляться о приѣмѣ. Наконецъ пришла бумага отъ инспектора съ извѣстіемъ о днѣ открытія второго класса и вскользь было упомянуто, что къ этому дню онъ вѣроятно пріѣдетъ и самъ.

Все село зашевелилось въ приготовленіяхъ къ торжеству. Ждали чего-то необыкновеннаго, экстраординарнаго, особенно желающіе учиться...

Учителя же все не ѣхали...

Зуботесовъ разослалъ по правленіямъ сосѣднихъ волостей бумаги съ приглашеніемъ желающихъ поступать во второй классъ и увѣдомилъ о днѣ открытія сосѣднія училища...

— Чертъ знаетъ! — ругался онъ. Навалили на одного всю работу. Хоть бы одинъ чертъ пріѣхалъ.....

II

Наканунѣ торжества подкатили наконецъ къ дому почетнаго блюстителя школы—мѣстнаго купца двѣ пары земскихъ лошадей. На передней парѣ сидѣлъ инспекторъ съ учительницей, а на задней—маленькій, вертлявый, черненькій человекъ—новый учитель. Все имущество послѣдняго состояло изъ небольшой корзинки, которая и ютилась на днѣ тарантаса. Зуботесовъ видѣлъ этотъ набздъ иноплеменниковъ изъ окна своей квартиры и на душѣ его сдѣлалось еще то склибѣе. «Вотъ какъ—думалъ онъ. Съ самимъ инспекторомъ приказали... Бара, подумаешь, какіе... Злобно бормоча, онъ принялся однако за официальный туалетъ, послѣ котораго у него явился къ инспектору. Тотъ познакомилъ будущаго сослуживца и вступилъ снова въ какой-то разговоръ съ новымъ учителемъ. Зуботесовъ съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядывалъ новыхъ людей, тѣмъ болѣе, что поймавъ гримаску на лицѣ учительницы и удивленный взглядъ учителя. Все это опытный педагогъ записалъ на свой счетъ и по своему адресу съложилъ на бумагу...

Онъ узналъ однако, что дѣвушку зовутъ Риммой и Николаевной и будетъ она заниматься въ первомъ классѣ, значить, съ нимъ, а тотъ, цыганъ, будетъ заниматься во второмъ классѣ и зовутъ его Филитеръ Архиповичъ Федосовъ.

Федосовъ былъ не той губерніи, поэтому онъ съ красными и репными глазами разсматривалъ положительно все; даже Зуботесова онъ посмотрѣлъ такъ же, однако на старика пахнуло хоть лодкомъ отъ этого взгляда. Онъ обиженъ былъ и тѣмъ, что съ нимъ никто не заговаривалъ, а всѣ продолжали разговоръ, начатый до его прихода. «Гордецы, молокососишки». Мысленно охарактеризовалъ Зуботесовъ пріѣхавшихъ, хотя съ большимъ интересомъ прислушивался къ разговору. Вышниваться онъ не смѣлъ, такъ какъ предметъ разговора былъ ему неясенъ. Тутъ и воскресная школа для взрослыхъ и народныя чтенія и чтенія съ картинами... Ничего этого не было у Зуботесова и онъ не могъ привести изъ своего опыта ничего подобнаго.

Въ день открытія школы съѣхались окрестные батюшки и учительницы (учителей въ тѣхъ мѣстахъ не водилось). Былъ отслуженъ молебенъ. Потомъ инспекторъ въ длинной рѣчи выяснялъ населенію значеніе школы вообще и двухъклассной

въ частности. Въ заключеніе онъ просилъ любить да жаловать новаго учителя и учительницу.....

Послѣ инспектора говорилъ Ѳедосовъ. Говорилъ просто, понятно, но ярко и зажигающе. Мужиковъ пропяли учительскія слова и понравился самъ онъ.....

Изъ школы гости отправились къ почетному блюстителю на обѣдъ. Всѣ быстро перезнакомились и чувствовали себя своими людьми...

Явились и мѣстные интеллигентки. Молодежь размѣстилась въ одной комнатѣ, а болѣе степенное общество въ другой. Въ первой то и дѣло раздавался заразительный смѣхъ, а Ѳедосовъ такъ п юлилъ, такъ и вертѣлся около учительницъ. Самъ инспекторъ нерѣдко убѣгалъ въ ту комнату и съ его приходомъ становилось еще шумнѣе, еще оживленнѣе.. Солидная прекрасная половина человечества мало по малу потянулась отъ мужчинъ тоже къ молодежи и съ умильной завистью посматривала на это непринужденное веселье свободную болтовню..

— А и весело вамъ, барышни!—по своему объяснила Зуботесова.. Слава Богу, одинъ женишокъ пріѣхалъ..

Учительницы отъ неожиданнаго сопоставленія сконфузились, но Ѳедосовъ изобразилъ такой ужасъ на лицѣ, что всѣ невольно уставились на него глазами съ полнымъ недоумѣніемъ..

— Что Вы, матушка!—заговорилъ онъ. Да посмотрите Вы на меня только.. Съ котораго же это мѣста я похожъ на жениха? Да за что меня и женить? Развѣ я передъ Вами провинился?

Учительницы засмѣялись, а Зуботесова слащаво тянула:

— Толкуйте, толкуйте.. знаемъ мы Васъ..

— Вотъ и слава Создателю, что знаете, — трунилъ Ѳедосовъ. Я вотъ такъ не имѣю высокой чести *Васъ* знать!

— Я жена учителя, вашего завѣдующаго, — выпалила Зуботесова. Нечего дурака-то ломать!

Всѣмъ стало неловко отъ этой безтактности.

Только Ѳедосовъ продолжалъ ломать комедію. «Типикъ» — мелькнуло у него въ головѣ. Теперь ему занятно было новое знакомство въ столь оригинальной формѣ.

— Ахъ, извините, пожалуйста, madame Зуботесова, заюлилъ онъ подходя къ женѣ завѣдующаго. Я не имѣлъ еще чести съ Вами познакомиться. Позвольте пожать Вашу ручку

и представиться: я Федосовъ,—вновь назначенный учитель...

— Знаю! Давно бы такъ!—говорила польщенная Зуботесова, не замѣчая, что ее вышучиваютъ. А то юлить, юлить,—незнамо передъ кѣмъ,—добавила она недовольно.

— А всетаки позвольте Вамъ замѣтить,—продолжалъ Федосовъ, не выпуская руки. Здѣсь барышень-то какъ разъ и нѣтъ.—Вы немножечко изволили ошибиться...

— А это кто? Дамы, что ли?...

— Нѣтъ, это все дѣвицы,—скромничала Федосовъ.

— Ишь выдумалъ — «дѣвицы», — ехидничала опять Зуботесова. Думаетъ люди-то глупѣ его. А того не знаете, что дѣвицы-то у мужиковъ, а тутъ все учительницы—стало быть, барышни.

— Вотъ потому-то они и дѣвицы, что учительницы,—не унимался Федосовъ. Барышня не выдержитъ такой работы... Она сбѣжитъ. Тутъ нужна честная, стойкая работница...

— Подумаешь: работа тоже! перебила Зуботесова. Сходить на пять часовъ въ школу... Да развѣ это работа? Поставить бы этихъ *работницъ* къ корыту за стирку на недѣлю, тогда бы онѣ узнали, что есть такое работа... а туда же — мы работницы...

Какъ разъ въ это время вошелъ инспекторъ, чтобы проститься; онъ уѣзжалъ. Зуботесова закрыла свой грязный и ядовитый фонтанъ.

— Заткни фонтанъ, Вафля! проговорилъ, улыбаясь учительницамъ, Федосовъ. Всѣ такъ и прыснули отъ смѣха, но Зуботесова въ шумѣ проводовъ не разслышала этой фразы. Однако крылатое словечко было подхвачено и ко лбу почтенной жены завѣдующаго крѣпко приколота была кличка «Вафля».

Съ отъѣздомъ инспектора кончилось и торжество. Теперь должна была начаться сѣренькая, трудовая жизнь съ мелкими дразгами, сплетнями и неприяностями. Общество еще недолго посидѣло у блюстителя и тоже разбрелось по домамъ. Федосовъ вечеромъ зашелъ къ Риммѣ Николаевнѣ поговорить и обмѣниться впечатлѣніями...

— Что, коллега, какъ дѣла? говорилъ онъ, входя въ квартиру дѣвушки.

Та вмѣсто отвѣта только улыбнулась. Засмѣялся и Федосовъ.

...**Римма Николаевна** Надо жить! задумчиво проговорила Римма Николаевна.

— Да, жить надо, — согласился и **Федосовъ**, жить и работать.

— О работѣ-то погодите говорить, — перебила учительница. Долго ли мы выживемъ здѣсь — вотъ вопросъ?

— Э, пустяки! поживемъ... Когда пойдемъ *представляться* господину и госпожѣ завѣдующимъ — вы лучше мнѣ скажите?

— Надо обязательно завтра ко всемъ сходить, а то обидятся. Знаете вѣдь деревенское общество???

— Завтра, такъ завтра — согласился **Федосовъ**. Напойте-ка меня чаемъ, а то у меня чертъ его знаетъ — ничего нѣтъ!

Римма Николаевна засмѣялась, однако поднялась и принялась за самоваръ.

— Болтаюсь, болтаюсь по бѣлому свѣту и не могу привыкнуть имѣть все подъ рукой, говорилъ **Федосовъ**. Вы, женщины, на этотъ счетъ мастерицы. Вездѣ-то, вездѣ устроитесь съ комфортомъ.

— Ну и комфорты! Вотъ тоже человекъ — нашель гдѣ комфорты! возразила **Римма Николаевна**, обзрѣвая пустоватую квартиру.

— Было что-то казенное, холодное, неуютное во всей обстановкѣ и дѣвичья постель конфузливо прижалась въ уголокъ. Она чувствовала себя здѣсь чужой, ненужной, лишней, случайной.

Инспекторъ еще въ городѣ познакомилъ ихъ, какъ сослуживцевъ, и рекомендовалъ обоимъ съ хорошей стороны. Молодые люди съ большимъ интересомъ старались узнать другъ друга, такъ какъ знали, что имъ придется работать въ одной школѣ. Лѣтомъ часто бывали вмѣстѣ, много гуляли, толковали... Взглядъ на будущее, взглядъ на школу, — словомъ все общія мѣста одного были извѣстны другой, и наоборотъ.

— Какъ Вамъ, **Филитеръ** **Архиповичъ**, понравились учительницы? спросила **Римма Николаевна**, наливая чай.

— Ничего себѣ, дѣвицы, кажется. Впрочемъ, я не разсматривалъ еще ихъ хорошо. Поживемъ — увидимъ. Дѣлаютъ, кажется, мало! Что-то никакихъ благихъ порывовъ незамѣтно.

— А жена завѣдующаго?

...

— Вафля!—коротко выругался Федосовъ и принялся пить чай.

— И это жена учителя.., заговорила мечтательно Римма, какъ бы про себя. Бр-р-р! и дѣвушка даже вздрогнула..

— Да посмотрите Вы на самого-то, на самого-то посмотрите,—совѣтоваль Федосовъ. Вѣдь въ классѣ въ обморокъ упадете! Вѣдь вырветь, надо полагать, отъ его преподаванія..,

— Не упаду, - храбрилась учительница, Привыкать надо!

— Не согласенъ! Намъ, значить, будетъ не по пути! — иошутилъ Федосовъ. Ко всякой дряни привыкать, такъ все время уйдетъ на это самое привыканіе. Себя всего ухлонешь на столь почтенное занятіе, а въ результатъ получится все же нуль. Къ одному привыкъ—другое выплыветъ.. и такъ далее— Фи, какъ выражается! сморщилась Римма Николаевна. И выпутила же ваша милость ну блюстителя госножу завѣдующую. Ужели она не поняла? За а-анятно! И языкъ же у васъ.. Какъ завтра⁴ покажетесь-то, посмотримъ.. По-смотримъ,—смѣялась дѣвушка и лукаво щурила свои острые глазенки.. Посмотрите, Римма Николаевна, посмотрите! Очень умильная выйдетъ картинка..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

и Кончикъ.

Антисемиту—автору статьи Воспоминанія*)

γ *Предисловіе редакціи.* Первымъ побужденіемъ нашимъ, по полученіи и прочтеніи настоящей статьи, было—бросить ее въ корзину. Но затѣмъ, принимая во вниманіе съ одной стороны выраженія г. Травниовца Гавріила: «нашихъ товарищей учителей» и «мнѣ стыдно стало, что среди учителей есть такой экземплярецъ», а съ другой то обстоятельство, что страницы нашего журнала открыты для всѣхъ учителей низшей и начальной школы, рѣшили напечатать ее. Уже самая возможность существованія охоты писать подобныя статьи довольно интересна.

д. Оговариваемся только, что мы не въ состояніи понять окончаніе статьи: содержитъ ли оно угрозу по адресу г. Гавріила Молчанова и по нашему, или другое что,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Печатаемъ съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

Не вдаваясь въ критику всей статьи—сожалѣя журнальное мѣсто и трудъ наборщиковъ корректоровъ я буду кратокъ въ своей критикѣ и не стану многоглагольствовать и утруждать этимъ читателя.

Почтен. авторъ означен. статьи (котораго я осмѣлился вправѣ назвать *антисемитомъ* заключая изъ конца его статьи которая будетъ ниже мною приведена) и самъ созналъ и написалъ, что его „трудъ праведный“ въ кавычкахъ... Сознаніе ваше свидѣтельствуетъ... надъ чѣмъ мы поставимъ благо-разумно. (точку)

Далѣе я еще возьму одно предложеніе изъ вашего „Воспоминанія“ помоему для критика цѣнно и не безъ интереса:
„правительство должно само излечать способныхъ сыновъ изъ на-

*) Декабрьская книжка за 1907 г. настоящ. журнала отълики. *Примѣчаніе Травниовца Гавріила.*

рода, а не случайнымъ элементомъ набивать учебныя заведенія“..
Это называется политическая незрѣлость мыслить.

Затѣмъ я перехожу къ главному на что я хочу обратить вниманіе:

Необходимо, чтобы въ печати заговорили пишете вы смѣло о томъ, чтобы въ школы всѣхъ типовъ попадали больше способные люди, а не разные Борухи которые, потомъ занимаютъ мѣста зубныхъ врачей (къ которымъ крестьянинъ никогда не прибѣгаетъ) или просто науковъ—камерсантовъ „по хлѣбнова части“. Последние въ силу своего привилегированнаго положенія обдираютъ мужика, даже окончившаго начальн. школу. Вотъ о чемъ нужно кричать! восклицаете Вы.

Какая разница скажите пожалуйста для человѣка культурнаго просвѣщеннаго цивилизованнаго между именами Гавриломъ или Борухомъ?

Борухъ имя еврейск. религін *Гавриилъ* православн. и только. Зачѣмъ вы сѣете антогонизмъ вражду противъ евреевъ печатая это и тѣмъ.....аете*) прогрессив. органъ и уважаем. редактора который даетъ полную свободу слова въ этомъ родѣ... И оскорбляете этимъ прогрессивн. элементъ нашихъ товарищей учителей?

а не разные Борухи которые, потомъ занимаютъ мѣста зубныхъ врачей (къ которымъ крест-нъ никогда не прибѣгаетъ.—) это наглая клевета которую вы Гавриилъ Молчановъ сказали безъ всякаго уваженія къ печатному органу. Я не стану опровергать цыничную ложь и голословную клевету: любой врачъ ее вамъ опровергнетъ т. к. нашъ крестьянинъ также нуждается во всякаго рода врачахъ и прибѣгаетъ къ нимъ и прошу васъ въ слѣдоющ. разъ не дѣлать никакихъ исключеній для него т. е. для крест-на.

или просто науковъ—камерсантовъ „по хлѣбнова части“ этимъ вы уже цынично выругали нашихъ учителей. и мнѣ стыдно стало, что среди учителей есть такой „экземплярецъ“..

Конечно, если у васъ почтен. авторъ статьи „Воспоминанія“ учитель Гавриилъ Молчановъ хватить „гражданскаго мужества“ извиниться печатно за высказанную вами глупость то ничего... а то скверно вамъ и редактору.

Травиновецъ Гавриилъ.

*) Этого слова мы не могли разобрать. Очевидно, что-то гоголевское: не то *Авдотья*, не то *обмокши*. Примѣч. ред.

Библиографическій отдѣлъ.

И. Клименз. Кормовыя растенія и польза отъ нихъ. Руководство для удѣльных арендаторовъ.

Часть I-ая. Какія бываютъ кормовыя растенія, какъ они живутъ и какъ ими пользуются? I-XIV, -1-231 страница. Цѣна 40 коп.

Часть II-ая. Воздѣльваніе кормовыхъ травъ—каждой въ отдѣльности. Злаки.-143 страницы. Цѣна 10 коп.

Часть III-ія. Бобовыя многолѣтнія кормовыя травы. 133 страницы. Цѣна 20 коп.

Изданіе Главнаго Управленія Удѣловъ. С.-Петербургъ. Вся части богато иллюстрированы.

«Основное направленіе русскаго образованія должно быть жизненнымъ и реальнымъ»—говоритъ покойный профессоръ Д. И. Менделѣевъ, въ своей брошюрѣ «замѣтки о народномъ просвѣщеніи Россіи»;¹⁾ съ этимъ мѣткимъ и глубоко—вѣрнымъ положеніемъ согласится всякій, истинно любящій дѣло народнаго образованія. Однако, пока идутъ жесточайшіе принципіально—партійные споры и пререканія по вопросу объ единомъ типѣ школы и объ учрежденіи и развитіи школъ специальныхъ, на запросы народныхъ массъ могутъ отвѣтить пока только школы общія.

Тотъ же Д. И. Менделѣевъ, удѣлившій въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ²⁾ не мало вниманія и мѣста вопросамъ

¹⁾ С.-Петербургъ, 1901 г. Стр. 27.

²⁾ «Завѣтныя мысли». Первые 4 главы. С.-Петербургъ, 1904 г. «Завѣтныя мысли». Главы 6 и 7. С.-Петербургъ, 1904 г. «Завѣтныя мысли». Главы 8 и 9. С.-Петербургъ, 1905 г. «Проектъ училища наставниковъ. Докладная записка Министру Народнаго Просвѣщенія». С.-Петербургъ, 1906 г. «Къ познанію Россіи». С.-Петербургъ, 1906—1907 г. г. «Дополненія къ познанію Россіи». — С.-Петербургъ, 1907 г.

народнаго образованія, въ «Завѣтныхъ Мысляхъ» намѣчаетъ необходимость интенсификаціи, культурнаго усовершенствованія—углубленія сельскаго хозяйства въ зависимости отъ развитія промышленности, которое одно можетъ дать средства, необходимыя для введенія въ Россіи всеобщаго начальнаго обученія. Однако въ этомъ отношеніи заслуживаютъ излѣдованія и подражанія и опыты другихъ культурныхъ странъ, опередившихъ Россію на пути развитія новыхъ формъ сельскаго хозяйства. Частная задача отвѣтить на жизненные запросы нашего отечества знаніемъ и умѣніемъ и въ настоящее время лежитъ и должна по справедливости лежать на школахъ—разсадникахъ просвѣщенія.

Великій сатирикъ Джонатанъ Свифтъ, устами не по року мудраго короля лиллипутовъ, въ бесѣдѣ съ Гулливеромъ высказываетъ такую глубокую истину: „тотъ, кто сумѣлъ бы вырастить два колоса тамъ, гдѣ прежде росъ одинъ, двѣ былинки травы, гдѣ росла одна, заслужилъ бы благодарность всего человѣчества, оказалъ бы услугу своей странѣ болѣе чѣмъ все отродіе политикановъ, взятое вмѣстѣ“. Свифтъ, какъ ирландецъ, ясно сознавалъ громадную важность для его страны аграрнаго вопроса. проходившаго впоследствии вездѣ почти однѣ и тѣ же стадіи—увеличенія площади запашки для полученія большаго урожая и потомъ, какъ говорятъ крестьяне.—«утѣсенія» и хроническихъ недородовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни рѣшался аграрный вопросъ—путемъ ли социализаціи или націонализаціи, путемъ ли передачи всей или части частновладѣльческихъ земель крестьянамъ, путемъ ли прирѣзки изъ земель казенныхъ и удѣльныхъ, крестьянамъ необходимо повышеніе культуры хозяйствъ, необходима интенсификація хозяйства, и я не могу себѣ представить, чтобы это положеніе было бы рационально оснашивать.

Задача о двухъ колосьяхъ—быть можетъ, самый жгучій, самый коренной вопросъ для нашей страны; помочь разрѣшенію этой трудной задачи, много помочь можетъ только специальное знаніе, тѣсно связанное съ общою широтою просвѣщенія. Однако, для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи еще почти ничего не сдѣлано. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣтить у насъ какое-нибудь сельско-хозяйственное опытное учрежденіе очень трудно, а вмѣсто популярной сельско-хозяйственной литературы въ большинствѣ случаевъ рас-

пространяется никуда негодная, а часто и просто вредная макулатура. Вот почему приходится от души порадоваться появлению такого полезного изданія, какъ выпущенная Главнымъ Управленіемъ Удѣловъ книга И. Клингена «кормовыя растенія и польза отъ нихъ». При болѣе, чѣмъ удачной виѣшности и крайне дешевой цѣнѣ (только не совѣмъ равномерно распреѣленной между отдѣльными выпусками), книга эта обладаетъ несомнѣнными и неоспоримыми достоинствами и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Какъ говорить самъ авторъ въ предисловіи къ 1-й части, книга эта имѣетъ въ виду прежде всего выдающихся по развитію и грамотности крестьянъ, а не рассчитываетъ на массу рядового крестьянства, она является не только практическимъ руководствомъ, но и выдержаннымъ учебникомъ...

Хорошо было бы, если бы книга И. Клингена заняла соотвѣственное мѣсто въ народныхъ школахъ, широко пропагандировалась бы ими, выдавалась въ видѣ награды, что ли, для поощренія лучшихъ, наиболѣе развитыхъ и толковыхъ учениковъ. Сѣмена, брошенные въ юныя, впечатлительныя души, даютъ плодъ сторицей...

Кормовыми травами, по опредѣленію извѣстнаго ученаго агронома А. Совѣтова, называются растенія, разводимыя для полей на кормъ скоту; иногда кормовыя травы сѣются и на дугахъ и на выгонахъ. Такая культура, сравнительно болѣе поздняя по своему возникновенію, именуется *травосѣяннємъ*. Воздѣлываніе хлѣбныхъ злаковъ отвѣчало заботамъ меловѣка о себѣ, культура же кормовыхъ растеній имѣла въ виду скотъ, крайне важный въ общемъ кругооборотѣ сельскаго хозяйства. Исторія травосѣянія представляетъ собою характерныя черты разрозненныхъ единичныхъ попытокъ, часто раздѣленныхъ многими десятками и даже сотнями лѣтъ забвенія и невниманія. Культура кормовыхъ травъ была извѣстна еще римлянамъ, и ихъ любимую посѣвную травкою была люцерна. Но еще ранніе римлянѣ сѣяли люцерну въ Китаѣ, откуда ея воздѣлываніе въ болѣе позднѣйшія времена перешло и въ отдѣльныя мѣстности Россіи.

Итальянецъ Торелло въ 1256 году въ своемъ сочиненіи «*Ricordo d' Agricoltura*» предложилъ посѣвы краснаго клевера. Лишь во второй половинѣ XVIII вѣка начинается настоятельное пропагандированіе и опыты полевой культуры

кормовыхъ травъ агрономами-писателями, какъ Шубартомъ фонъ Клейфельдомъ и Теэромъ въ Германіи и Артуромъ Юнгомъ въ Англіи. Въ 1779 году Шубарту сдѣлано было, отъ имени Императрицы Екатерины II приглашеніе переселиться въ Россію и завести здѣсь образцовое хозяйство на очень выгодныхъ для него условіяхъ. Шубартъ почему-то не поѣхалъ въ Россію, но ученіе его было извѣстно у насъ подъ именемъ „Новаго земледѣлія“, подъ какимъ заглавіемъ была напечатана въ 1794 году специальная книга Первыми пионерами въ Россіи травосѣянія были Д. М. Полторацкій и И. И. Самаринъ, которымъ пришлось преодолѣть много тяжелыхъ затрудненій; кромѣ того, въ Великоустюжскомъ, а послѣ и въ Вельскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи съ незапамятныхъ временъ сѣютъ тимофеевку. Въ настоящее время только въ Прибалтійскомъ краѣ широко развилось и укрѣпилось разведеніе клевера и картофеля. Такимъ образомъ, въ этомъ направленіи огромное пространство нашего отечества представляетъ собою обширную невоздѣланную ниву.

Выгоды травосѣянія таковы: 1) при немъ *травы и сѣна собираются гораздо больше, и работа несравненно скорѣе*; 2) всѣ бобовыя или клеверныя растенія не только не истощаютъ почву, но и *обогащаютъ ее азотистыми веществами*, способствуя установленію *безнавознаго* хозяйства; 3) кормовыя растенія, разрабатывая почвы своими длинными и многочисленными корнями (по словамъ недавно скончавшагося графа Гейдена) такъ хорошо, какъ это не въ состояніи сдѣлать ни одно землеобработное орудіе, — *благоприятно дѣйствуютъ на механическія и физическія свойства почвы*; 4) отѣненіе почвы бобовыми *заглушаетъ сорныя травы и способствуетъ конденсаціи* на поверхности почвы *водяныхъ атмосферныхъ паровъ*; 5) кормовые остатки *увеличиваютъ влагоемкость* почвы, и такъ далѣе...

Къ кормовымъ растеніямъ относятся: *бобовыя* — клеверъ красный, бѣлый и шведскій, люцерна, эспарцетъ, вика или кормовой порошокъ, *злаки* — тимофеевка, костеръ безостный, могаръ, райграссы простой, итальянскій, французскій, лисохвость, ежа сборная, овсяница луговая, мятликъ луговой, колосокъ пахучій; изъ злаковыхъ *шпергель*, кромѣ того, въ послѣднее время, по примѣру вестфальскаго учителя земледѣлія В. Вагнера, дѣлаются попытки къ распространенію тра-

востѣянiя изъ смѣси дикихъ, самородныхъ горошковъ, бобовыхъ и злаковъ, которыми особенно богата наша степная полоса.

Общее число травъ, рекомендуемыхъ нѣмецкими агрономами, чрезвычайно велико, какъ, напримѣръ, это видно изъ переведеннаго на русскiй языкъ объемистаго сочиненiя профессора Гюго Вернера: «Руководство къ воздѣлыванiю кормовыхъ растений на поляхъ». «Было бы хорошо», — пишетъ А. Советовъ, — «если бы и у насъ завелись, въ разныхъ по климату и почвѣ мѣстностяхъ, опытные поля, на которыхъ были бы отводимы участки специально для пробныхъ посѣвовъ рекомендуемыхъ разными агрономами посѣвныхъ травъ». Если Д. И. Менделѣевъ, предвидя скорое введенiе въ Россiю фермерскаго хозяйства, проектируетъ для училища наставниковъ сельское и лѣсное учрежденiе, — то отчего бы такiе опытные участки не имѣть при школахъ?

I-ая часть книги И. Клингена „какiя бываютъ кормовыя растения, какъ они живутъ и какъ ими пользоваться?“ содержитъ научныя основы травосѣянiя, изложенныя простымъ и доступнымъ языкомъ. Разсмотрѣвъ въ первыхъ шести бесѣдахъ анатомiю и физиологiю растений, авторъ на основанiи этихъ данныхъ выясняетъ практическiя правила, которымъ нужно слѣдовать при травосѣянiи, доказываетъ, что всякая мѣра должна быть проникнута яснымъ пониманiемъ условiй жизни растений. Этому-то вопросу и посвящены остальныя четыре бесѣды I-ой части.

II-я часть «Воздѣлыванiе кормовыхъ травъ — каждой въ отдельности» — содержитъ ботаническое и хозяйственное описанiе многолѣтнихъ злаковыхъ кормовыхъ травъ, культура которыхъ въ Россiи начинаетъ уже распространяться. Особенное вниманiе обращено на культуру костра безостнаго, получившаго извѣстность на востокъ и юго-востокъ Европейской Россiи.

III-я часть «бобовыя многолѣтнiя кормовыя травы»; здѣсь наибольшее вниманiе удѣлено клеверу и люцернѣ, распространенiе которыхъ съ каждымъ годомъ все увеличивается.

Предположено выпустить еще двѣ части: IV-ю-а) однолѣтнiя кормовыя травы, б) пропашныя кормовыя растения и V-ю-а) вредители и борьба съ ними.

Еще разъ повторяю, что вышедшія уже три части составлены очень толково, съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и могутъ быть усердно рекомендованы школамъ и всякому, интересующемуся вопросомъ о травосѣяніи.

Цѣна книгъ болѣе чѣмъ доступная.

Л. Мищенко.

Письмо въ редакцію «Русскаго Слова»

(Перепечатывается изъ № 26 этой газеты).

Позвольте черезъ посредство вашей уважаемой газеты «Русское слово» обратиться ко всѣмъ добрымъ сердцамъ за помощью семьѣ умершаго на дняхъ въ одной изъ московскихъ больницъ учителя деревни Аблянищева, Можайскаго уѣзда, Владиміра Николаевича Прозорова. Г. Прозоровъ умеръ 45-ти лѣтъ, отъ туберкулеза легкихъ. Послѣ него осталась жена и 6 человѣкъ дѣтей. Прослуживши 21 годъ народнымъ учителемъ, онъ ничего не могъ оставить своей семьѣ, кромѣ честнаго имени. Получая въ мѣсяць всего 21 руб., онъ долженъ былъ пахать землю, сѣять хлѣбъ, сажать картофель, чтобы чѣмъ нибудь облегчить скудное существованіе семьи, и непосильной работой подорвалъ свои послѣднія силы. Нелегко быть народнымъ учителемъ. Постоянно приходится думать о завтрашнемъ днѣ; нужда каждый день стучится въ окно; того нѣтъ, другого нѣтъ. Постоянныя мучительныя думы за будущіе судьбы жены и 6-ти человѣкъ дѣтей. Но онъ имѣлъ бодрость духа, и, не теряя энергіи, помѣстилъ 2-хъ своихъ сыновей въ московскую гимназію. Тяжело было умирающему г. Прозорову, что онъ оставляетъ жену и дѣтей безпомощными, но еще тяжелѣе вдовѣ остаться съ 6-ю человѣками дѣтей. Ей надо жить. Надо еще четверыхъ поднять на ноги, помѣстить ихъ въ учебныя заведенія. При жизни отца это легче было сдѣлать, такъ какъ при совмѣстной работѣ родители хотя и съ трудомъ, но имѣли возможность подготовить малышей къ экзамену. Что же будетъ дѣлать одинокая женщина, которая должна накормить, обшить дѣтей, не говоря уже о томъ, что должна постоянно болѣть душой за ихъ будущность? Матери поймутъ это скорѣй отцовъ, жизнь ребенка проходить большѣ

на ихъ глазахъ, такъ какъ отцы, уставшіе на службѣ, приходятъ домой раздраженными. Поэтому обращаюсь къ добрымъ сердцамъ матерей. Помогите, не дайте погибнуть семьѣ. Мысленно поставьте себя на мѣсто несчастной вдовы, и вы поймете весь ужасъ ея положенія. Я видѣлъ усопшаго учителя въ гробу, окруженнаго женой и подростками-дѣтьми съ серьезно недоумѣвающими личиками, съ заплаканными глазенками. Обрядъ прощанія былъ потрясающимъ. А жить ей все-таки нужно. Но какъ, гдѣ и чѣмъ? Нужно дѣтей вывести на хорошую дорогу... Но какъ? Кому нужна въ водоворотѣ жизни неизвѣстная вдова какого-то сельскаго учителя? Имя имъ легионъ. Всякій спѣшить, куда-то торопится, боясь остановиться на печальной жизненной драмѣ, все заняты своими дѣлами, а ты стой, безпомощная, горемычная, у своей опрокинутой жизнью телѣги, не зная, куда обратиться за помощью, и не имѣя силъ протянуть руку за подаваніемъ.

Протяните же руку помощи, добрые и чуткіе ко всякому горю люди. Не стѣсняйтесь суммой. Въ настоящее время важно поддержать въ дѣтяхъ вѣру въ доброту людскую. Всякая трудовая копейка соберетъ за собою много ихъ, составятся рубли, а съ Божіею помощью и людскою любовью сироты могутъ окончить образование. Согрѣтые же въ трудную минуту общественнымъ вниманіемъ и помощью, они вырастутъ доблестными гражданами нашей дорогой родины. Пожертвованія можно направлять въ редакцію «Русскаго Слова» на содержаніе семьи покойнаго учителя Прозорова, а также по мѣсту жительства: г. Можайскъ, Московской губ., вдовѣ учителя Александрѣ Васильевнѣ Прозоровой.

М. Филипповъ.

Открыта подписка на 1908 годъ
на журналъ
ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.

Изданія годъ II.

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Журналъ ставитъ своей задачей содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Народные учителя, руководители и преподаватели школъ и курсовъ для взрослыхъ, попечители школъ, завѣдующіе народными библиотеками, аудиторіями, книжными складами и другими образовательными учрежденіями—вотъ тѣ работники на мѣстахъ, участіе которыхъ на страницахъ журнала признается особенно цѣннымъ. Журналъ сообщаетъ о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію, научно-педагогической литературы и общедоступной литературы, по всѣмъ отраслямъ знаній, практической дѣятельности общественныхъ учреждений и частныхъ союзовъ, а также даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. Н. Анучинъ, В. А. Анязирировъ, К. В. Аркадакскій, С. М. Блекловъ, Я. В. Борисовъ, И. Н. Бороздинъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Ч. Вѣтринскій, А. Ф. Гартвиго, Н. Н. Ге, А. К. Дживелеговъ, Н. Ф. Езерскій, А. В. Заремба, А. У. Зеленко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Горданскій, В. Е. Игнатьевъ, И. Н. Игнатовъ, П. Н. Казанцевъ, Н. В. Касаткинъ, С. А. Князьковъ, С. Г. Крапивинъ, И. О. Левинъ, А. А. Локтинъ, А. А. Мануиловъ, Э. Э. Маттернъ, П. Е. Мельгунова, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мельденсонъ, С. П. Моравскій, Ф. Ф. Нелидовъ, Н. М. Никольскій, И. И. Поновъ, А. С. Пругавинъ, В. А. Розенбергъ, В. В. Ротъ, Н. А. Рубакинъ, Л. Н. Рутценъ, П. Н. Сакулинъ, И. Н. Сахаровъ, Е. И. Смирновъ, М. Х. Свентицкая, Б. И. Сыромятниковъ, С. О. Сѣрополко, А. А. Титовъ, М. Ф. Тихомировъ, В. М. Устиновъ, Г. А. Фальборкъ, Л. Б. Хавкина, Н. В. Чеховъ, В. И. Чернолуцскій, кн. Е. И. Шаховскій, В. А. Щерба, В. Е. Якушкинъ, Д. О. Ярошевичъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. въ годъ и 1 р. на полгода.

Цѣна отдѣльной книжки 10 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Полянка, Успенскій пер. д. 8, кв 2.

Редакторы-издатели Н. В. Тулуповъ и Н. М. Шестаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— НА —

„Учительскій Вѣстникъ“

Изданіе Общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ училищахъ Оренб. губерніи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

А Т Р И НА

„Учительскій Вѣстникъ“

съ доставкой и пересылкою 1 р. на годъ. Для членовъ „Общества“ 50 коп.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи „Учительскій Вѣстникъ“—1-е приходское училище, Николаевская улица, домъ Фурмана, а также у казначея „Общества“ К. К. Безина—Карриковскій пер., домъ Безпомощнова.

Редакторъ *Ө. Гавриловъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

на педагогическій журналъ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

въ Виленскомъ учебномъ округѣ,

12 вып. въ годъ. Цѣна одинъ рубль.

Подписка принимается въ канцеляріи Попечителя Вилен. учеб. окр.

Съ 1907 г. „Народное Образование“ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ, съ отдѣлами **официальнымъ** и **неофициальнымъ**.

Въ послѣднемъ помѣщаются: а) краткія общедоступныя статьи по начальному обученію и воспитанію; б) примѣрные уроки по предметамъ начального обученія, съ пояснительными примѣчаніями; в) статьи по вопросамъ о вѣнскомъ образованіи; г) біографическія свѣдѣнія о выдающихся педагогахъ и дѣятеляхъ по народному образованію; д) библиографія и т. п.

Завѣдывающій редакціей *Вс. Блериовъ.*

„ЯСНАЯ ПОЛЯНА.“

С И М В О Л И С Т И

Въ каждомъ № журнала, кромѣ прочихъ статей, будутъ помѣщены: запрещенные до сихъ поръ въ Россіи и печатавшіеся за границею журналы:

„БЫЛОЕ“, „ИСКРА“ и „КОЛОКОЛЬ“ А. Герцена. Въ настоящее время „Колоколь“ составляетъ библиограф. рѣдкость и цѣна его экземпляра отъ 200 до 400 руб.

Въ 24 приложеніяхъ будутъ даны: 16 книгъ полного собранія сочиненій графа *Л. Н. Толстого*, до сихъ поръ печатавшихся за границею, 2 книги романа „*Воскресеніе*“ (дословная перепечатка заграничнаго изданія, безъ всякихъ сокращеній съ рисунками), 1 книга „*Крейцеровъ Соната*“, (по заграничному изданію съ предисловіемъ, до сихъ поръ запрещеннымъ), 1 книга Автобіографія гр. *Л. Н. Толстого*, со множествомъ рисунковъ и портретовъ и 4 книги полного собранія рѣчей гг. депутатовъ Государственной Думы 1-го и 2-го созыва.

Въ каждой книгѣ приложеній болѣе 200 страницъ большого формата убористой печати. Подписная цѣна 7 рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и по полученіи 4 №№ съ 8 книгами приложеній, подписчики досылаютъ— 3 руб. Для желающихъ болѣе широкой разсрочки допускается плата помѣсячно. Первые 7 №№ съ приложеніями будутъ высланы наложеннымъ платежемъ по 1 рублю и 30 копейкъ почтовыхъ расходовъ, послѣдніе 5 №№ высылаются бесплатно. По полученію денегъ, подписчикамъ немедленно высылаются вышедшіе №№ со всеми приложеніями и, вмѣстѣ съ ними, прилагаются талоны, дающіе возможность вернуть высланныя деньги и получить нашъ журналъ совершенно бесплатно.

Дешевое и полное собраніе соч. графа Л. Н. Толстого можетъ быть приобрѣтено только, путемъ подписки, на журналъ „Ясная поляна“. Это изданіе не повторится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить втрое дороже. Первые 5000 подписчиковъ, немедленно при первомъ вносѣ подписныхъ денегъ, получатъ особая бесплатныя приложенія—4 книги стоющія въ продажѣ 5 руб. а именно: „Степнякъ“, „Подпольная Россія“, П. Кропоткинъ: „Записки революціонера“, „Избранные рассказы, запрещенные русской цензурою“. Приложенія графа Л. Н. Толстого на каждый день года.

Желающіе получить 24 книги приложеній въ 6 изящныхъ англійскаго коленкора переплетахъ доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 3 руб. причеиъ также допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб. и по полученіи 4 №№—остальные 5 р.

Вышли 3 №№ журнала съ 6 книгами приложеній полнаго собранія соч. гр. Л. Н. Толстого. Въ ближайшихъ книгахъ будутъ помѣщены (по заграничному изданію) романъ „Воскресеніе“ и „Крейцера Соната“.

Въ виду появившихся слуховъ, что наложенный С.-Петербургскимъ градоначальникомъ на редактора журнала „Ясная Поляна“ 1000 руб. штрафъ повлекъ за собой и конфискацію очеред. №№ журнала—редакція заявляетъ, что штрафъ былъ наложенъ за напечатаніе сочиненій недозволенныхъ въ Россіи, причеиъ сами №№ не конфискованы и беспрепятственно рассылаются подписчикамъ.

3-хъ годичная дѣятельность книгоиздательства является лучшей гарантіей добросовѣстнаго соблюденія ею интересовъ ея многочисленныхъ подписчиковъ.

Въ случаѣ поступленія претензіи на недоставку №№ журнала или приложенія, соответствующая часть суммы подписныхъ денегъ будетъ возвращена наличнымъ или замѣнена, по желанію гг. подписчиковъ.—книгами. А въ обезпеченіе удовлетворенія могущихъ возникнуть претензій, нами открытъ въ Государственномъ Банкѣ текущій счетъ.

Лицамъ интересующимся дѣятельностью книгоиздательства высылается бесплатное иллюстрированное объявленіе.

Письма и деньги просятъ адресовать С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, книгоиздательство „Ясная Поляна“.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

124 тома 7000 страницъ текста. Портреты Каррикатуры.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

на двухнедѣльный социально-экономическій, общественно-литературный иллюстрированный журналъ:

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Журналъ выходитъ двухнедѣльными книжками, на лучшей бумагѣ, со многими портретами и каррикатурами, отъ 20—25 листовъ (около 300 стр.) каждая, такъ что во всѣхъ томахъ будетъ около 600 листовъ (7000 стр.) четкой печати.

„Свободное Слово“ ставитъ себѣ цѣлью освѣтить на зрѣвшіе вопросы текущаго момента на основаніи теоріи, исторіи и опыта странъ Западной Европы и Сѣверной Америки, а также дать въ художественныхъ произведеніяхъ отраженіе современныхъ событій.

Армія, ея вѣшняя и внутренняя жизнь въ 1904—1907 г.г., реформы, многие специально-военные, технически-боевые вопросы,—съ точки зрѣнія социальнаго общественнаго интереса и свѣтлыхъ идеаловъ народной свободы,—впервые въ журналѣ „Свободное Слово“ займутъ видное мѣсто, получатъ освѣщеніе.

Въ журналѣ „Свободное Слово“ съ 15 ноября 1907 г. по 15 ноября 1908 г. будутъ помѣщены безъ сокращеній слѣдующія, до сихъ поръ недоступныя широкимъ слоямъ русской публики по цензурнымъ и другимъ условіямъ сочиненія:

Бартъ-Клэй, А. Къ будущему городу. Съ дополнен.

Бертело. Наука и свободная мысль. Съ дополнен.

Бернштейнъ, Э. Статьи, Съ портретомъ автора.

Вандервелде, Э. Соціалистическій строй и др.

Гамонъ. Соціализмъ и анархизмъ.

Документы настоящаго.—Процессы, циркуляры, доклады. Съ портретами, автографами.

Жидъ, проф.—Кооперация.—Совѣщанія по пропагандѣ идей. Дополненія Л. Л. Мищенко.

Идеальная Соціальная организація.

Изъ прошлаго русской арміи.—Архивъ Главнаго Штаба Кавказской арміи.

Оларъ. Ораторы революціи. 1 томъ изслѣдов.

Лассерръ. Женщина во французскую революцію.

Леженъ. Національный вопросъ.

Лорія, А. проф. Соціальная морфологія.

Метенъ. Дальній Востокъ

Мищенко Л. В. Война 1877—1878 г.г. и др.

Мищенко Л. Л. Ростъ городовъ и др. статьи.

Мищенко Леонидъ. Изъ жизни подпоручика Макарова.—

Повѣсти, рассказы, фельетоны.

Каутскій, К. О національномъ вопросѣ.—Слѣдствія войны 1904—1905 г.г съ портретомъ.

Пріемы и способы партизанской или малой войны. Съ чертежами и рисунками.

Реклю, Э. Эволюція, революція и идеалы анархизма. Съ біографіей автора.

Свободное Слово. Сборникъ. Бѣлинскій, В. Г.: Письмо къ Н. В. Гоголю.—Гершуни. Разрушенный молъ.—Толстой, гр. Л. Н. Мое завѣщаніе.—Фергюссовъ. Отвѣтъ Побѣдоносцеву. Съ приложеніемъ перевода д-ра Н. К. Русселя статьи Побѣдоносцева съ англійскаго яз.—К. П. Побѣдоносцевъ. Плоды демократіи въ начальной школѣ, съ комментариемъ Л. Л. Мищенко.

Франсуа. Элизе Реклю и анархія.

Читателю. Сборникъ рецензій и отзывовъ.

Юларъ. Русская революція.

Три бесплатныя приложенія. Портреты, каррикатуры.

Всѣ годовые подписчики получаютъ *бесплатно* еще слѣдующія приложенія въ теченіе года:

Каррикатуры. Собраніе русскихъ и иностранныхъ каррикатуръ великой русской революціи.

Маргери. Право собственности и демократическій строй.

Мищенко Леонидъ. Положеніе рабочихъ на Сандвичевыхъ островахъ. Съ предисловіемъ автора и письмомъ Д-ра Н. К. Русселя.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ

II марокъ.

Въ ноябрьскихъ и декабрьскихъ номерахъ будутъ помѣщены:

Берштейнъ, Э. Историческая необходимость и материалистическое пониманіе исторіи. Съ портрет. автора.

Каутскій, К. О національномъ вопросѣ въ Россіи.—Слѣдствія русско-японской войны. Съ портретомъ автора.

8 руб. въ годъ. Разсрочка.

Подписной годъ съ 15 ноября 1907 г. по 15 ноября 1908 г.

Подписка принимается въ Главной конторѣ Журнала (С.-Пб., Невскій просп., д. 69), а также во всѣхъ княжныхъ магазинахъ. Подписная цѣна на журналъ „Свободное Слово“

съ доставкою и пересылкою во всѣ города Имперіи на годъ 8 руб., за-границу 16 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., а затѣмъ къ 15 января 2 р., къ 15 марта 2 р.

Для подписчиковъ, вносящихъ годовую плату до 15-го ноября с. г., подписная плата вмѣсто 8 руб. только 7 руб. Разсрочка допускается лишь тѣмъ подписчикамъ, которые обратятся непосредственно въ контору изданія: С.-Пб., Невскій просп., д. 69.

Редакторъ-издатель *Л. Л. Мищенко.*

3-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на профессиональный и общественно-политическій
ЖУРНАЛЪ ЮГА

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Девизы журнала:

„Душа школы—учитель“.

„Въ борьбѣ и едненіи ты обрѣтешь свое право“

Журналъ выходитъ 20 разъ въ году

при участіи извѣстныхъ дѣятелей по народному образованію.

Въ составѣ сотрудниковъ вошли: И. П. Бѣлоконскій, В. П. и Э. О. Вахтеровы, Д. И. Дорошенко, Е. А. Звягинцевъ, В. В. Кирьяковъ, С. И. Лисенко, И. Е. Орѣшинъ, А. Б. Петрищевъ, С. С. Раецкій, Л. Н. Рутценъ, С. Ф. Русова, В. Симоновскій, О. Н. Смирновъ, д-ръ П. П. Тутышкинъ, Г. А. Фальборкъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, П. М. Шестаковъ и др.

Помимо политическихъ обзорѣній и руководящихъ статей по очереднымъ вопросамъ народнаго образованія и всесторонняго освѣщенія профессиональныхъ учительскихъ нуждъ въ журналѣ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи (и компіляціи) научно-популярнаго характера по педагогикѣ, психологіи, школьной гигиенѣ, санитаріи и пр.

Особое вниманіе обращено на отдѣлъ учительскихъ корреспонденцій—сообщенія съ мѣстъ.

Въ 1908 году журналъ будетъ выходить съ иллюстраціями: въ „Народномъ Учителѣ“ будутъ помѣщаться портреты

знаменитых педагоговъ и извѣстныхъ дѣятелей по народному образованію, а также юбиляровъ пародныхъ учителей и другихъ работниковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, снимки съ учительскихъ группъ (экскурсантовъ, участниковъ курсовъ, съѣздовъ и пр.), лучшихъ школьныхъ зданій съ планами, вѣк. классныхъ пособій и пр.

Подписная цѣна безъ приложеній **два рубля** въ годъ съ пересылкой и доставкой

Допускается разсрочка по полугодіямъ, т. е. по 1 руб. Лица, желающія получить приложенія, уплачиваютъ 2 р. 50 к. разсрочка 1 р. 50 к. при подпискѣ и 1 р. за 2-ое полугодіе).

Въ 1908 году будутъ даны три приложенія

1. Календарь—Справочникъ—„Народный Учитель“ на 1907-08 учебн. годъ, записная книжка 256 стр. изъ нихъ 172 стр. текста, въ шелковомъ коленкоровомъ переплетѣ съ тисненіемъ (будетъ высланъ при №1-омъ)

2. Уставы учительскихъ организацій и просвѣтительныхъ обществъ—12 полныхъ уставовъ съ законами и правит. распоряженіями (будутъ высланы при № 3-емъ).

3. Шесть портретовъ знаменитыхъ педагоговъ (Руссо, Каменскаго, Песталоцци, Ушинскаго, Пирогова, и бар. Корфа), на прекрасной плотной бумагѣ формата 12×8 дюймовъ (будутъ высланы при № 5-омъ).

Адресъ редакціи: Кишиневъ, редакція журнала „Народный учитель“.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Продолжается подписка на 1908 годъ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

„ОТКРЫТКА“

ВЫХОДЯЩІЙ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

Списки коллекціонеровъ. Статьи по исторіи открытыхъ писемъ. Обмѣнъ открытокъ. Справочныя свѣдѣнія по изданію открытыхъ писемъ. Составленіе коллекцій. Смѣсь. Списки новостей открытыхъ писемъ выходящихъ въ Россію и заграницей. Адреса фирмъ издающихъ открытки, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ. Почтовый ящикъ. Объявленія. Конкурсы. Задачи на преміи. Приложенія: открытыя письма и проч.

Подписная цѣна въ годъ 1 руб. 50 коп.
съ доставкой и пересылкой.

На полгода 1 руб.

Съ наложеннымъ платежемъ на 20 коп. дороже.

Объявленія принимаются по 20 коп. за строку петита.
За особую доплату 1 р. 65 к. всѣ г.г. подписчики получаютъ
100 открытыхъ писемъ со своимъ портретомъ.

(Для этого должна быть прислана фотографическая карточка,
которая будетъ возвращена обратно вмѣстѣ съ открытками).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала

«ОТКРЫТКА»,

г. Калуга, Никитская ул.

Редакторъ-издатель Д. И. Глаголинъ.

Продолжается подписка на 1908 годъ
на литературно-научный иллюстрированный двухнедѣльный
ЖУРНАЛЪ

„ГОЛОСЪ“ ♦

„Голосъ“ единствен. въ Россіи художеств. *провинціальный* журналъ, издающійся исключительно при ближайшемъ участіи *лучшихъ столичныхъ писателей.*

Сотрудники: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ив. Бунинъ, А. Вербицкая, Анатол. Добрехотовъ, С. Дрожжинъ, П. Засодимскій, Бор. Зайцевъ, Н. Степаненко, Н. Телешовъ, Н. Тимковскій, Николай Эвриستمъ и др. *Приглашены:* Максимъ Горькій, Гусевъ-Оренбургскій, А. Серафимовичъ.

Въ „Голосъ“ печатаются: Романы, повѣсти, рассказы, стих., путешествія, эгнографическія и историческія статьи и вообще статьи по всеѣмъ отраслямъ знанія. Статьи по общ. и эконом. вопросамъ. Критическій и научный фельетонъ. Библиографія. Сатира и проч.

Изящная виѣшность. Клише для рисунковъ выписываются изъ заграницы.

Годовые подписчики при долатѣ 35 копѣекъ получаютъ съ 1-мъ №-ромъ *приложеніе:* изящно изданный томъ **литературнаго сборника**, сод. произв. К. Баранцевича, Н. Телешова, Ив. Бѣлоусова и мн. другихъ.

Всѣ вышедшіе №-ра и приложеніе высылаются немедленно по полученіи денегъ. Пробный №-ръ высылается за 2 семикопѣчныя марки.

На ГОДЪ съ доставкой и пересылкой: **2 р.**, на 1/2 ГОДА съ достав. и пер.: **1 р. 25 к.**

Главная контора и редакція: Харьковъ, Епархіальная, 37, кв. 3.

Редакторъ-издатель *Н. В. Могучій.*

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

1. Подписавшіеся въ разсрочку благоволятъ, при высылкѣ послѣдующихъ платежей, сообщать номеръ бандероли, подъ которою высылается журналъ.

2. О неполученіи какой-либо книжки журнала необходимо присылать заявленіе тотъ-часъ же по полученіи слѣдующей книжки.

3. Присылаемая въ редакцію рукописи просимъ писать такъ, чтобы одна сторона листа оставалась чистою. Посылать рукописи можно, какъ дѣловыя бумаги, подъ бандеролью, или въ не заклеенномъ конвертѣ, не вкладывая въ него письма, имѣющаго характеръ личной переписки. Значительныя по объѣму рукописи можно высылать посылками.

4. Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, инициалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и ого почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только печататься, но даже и просматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.

5. Адресъ для рукописей и подписной платы: Вологда, редактору-издателю журнала «Отклики народнаго учителя и его досуги» Аванасію Федоровичу Знаменскому.

6. Рукописи размѣромъ болѣе печатнаго полулиста возвращаются авторамъ въ томъ лишь случаѣ, если на пересылку ихъ прислана, почтовыми марками, достаточная сумма. Рукописи менѣе печатнаго полулиста ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **4 р.**, на полгода **2 р. 10 к.** и на 3 мѣсяца **1 р. 10 к.** На другіе сроки подписка не принимается

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ основаніяхъ: при подпискѣ **1 р.**, къ 1 марта **1 р.**, къ 1 іюня **1 р.** и къ 1 сентября **1 р.**

За объявленія уплачивается **15 р.** за страницу за каждый разъ; за полстраницы **8 р.** за каждый разъ

Вновь подписавшемся будутъ высланы всѣ вышедшіе номера, начиная съ перваго.